Конан
КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
Северо-Запад

Annotation

В книгу вошли романы Д.Мак Грегора «Конан и призраки прошлого», Т.С.Стюарта «Дары зингарийцев», А.Олдмена из цикла «Шадизарские ночи», «Роковое ухо» и «Змеиный камень».

- Андрэ Олдмен
  - 1. Дом на набережной
  - 2. Прекрасная вертихвостка
  - 3. Ночные тени
  - 4. Козлиный судья
  - 5. Трусливый покойник
  - 6. Стигийская магия
  - 7. Конец Кривого Ахбара
  - 8. Молодая, красивая, мертвая…
  - 9. Чилли меняет точку зрения

Андрэ Олдмен
Змеиный камень

1. Дом на набережной

Утро было великолепным.

В шадизарских садах, чуть тронутых желтизной осени, с глухим стуком падали на землю созревшие плоды. Солнечные пятна играли на подсохшей траве, лениво гудели пчелы, собирая позднюю дань с увядавших цветов. Босоногие водоносы тащили в подвешенных на длинных палках кожаных ведрах холодную родниковую воду, кричали птичьими голосами разносчики фруктов, тяжело громыхали по камням набережной повозки, до верху нагруженные тюками и корзинами, бочками и ящиками, камнями для строек и клетками с живностью.

На Большом Канале теснились лодки и мелкие суда. Их владельцы еще кутались в шерстяные плащи и накидки – многие провели ночь прямо на палубе или среди скамеек. Те, кто побогаче, попивали сладкий щербет и легкие вина из тонкостенных сосудов, закусывая пирожками с медом и миндалем, сочными грушами, яблоками и сгущенным виноградным соком, а иные обжоры позволяли с утра пищу и потяжелей: капающий янтарным жиром кабоб на длинных железных шпажках, конскую колбасу и даже калле-паче – бараньи головы и ножки вперемешку с тушеными овощами и зеленью. Лодочники победней довольствовались кислым овечьим молоком, пресными лепешками и сушеными клубнями маниоки.

И бедные, и богатые, покончив с утренней трапезой, принимались жевать бетель – смесь перечной лианы, кусочков негашеной извести и плодов араковой пальмы. Жвачка сия весьма поднимала настроение и придавала силы, что было весьма нелишним, если учесть множество дел и забот, уготовленных разгоревшимся днем.

Человек, наблюдавший за мирной картиной пробудившегося города с широкой террасы своего дом на набережной, тоже жевал бетель. Был он среднего роста, с приятным бритым лицом, одет в широкий халат, атласные шаровары и комнатные мягкие туфли. Полные губы мечтательно улыбались, холеные пальцы рассеянно теребили пушистое полотенце, висевшее на плече.

Хозяина дома звали Шейх Чилли.

Он только что умылся из поданного служанкой кумгана, позволил приходившему каждое утро цирюльнику чисто выскоблить бритвой свои крепкие щеки, умастить их нарциссовым маслом, а вьющиеся волосы полить тонкими благовониями, отведал чашку подслащенного айрака, закусил бекмезом, после чего отправился на террасу. Глядя вниз, на пеструю толпу спешивших по своим утренним делам шадизарцев, он уже почти забыл лицо женщины в коричневой накидке с широкими разрезами вместо рукавов, которая покинула его ложе сов ем недавно и сейчас затерялась в людском водовороте.

Шейх Чилли признавал женщин только ночью. В иное время их существование повергало его в досаду, смешенную с легким недоумением. Он никак не мог понять, для чего Митра расплодил эти бестолковые, вечно чем-то недовольные создания в таком количестве. С домашними делами, скотиной и огородом неплохо справляются рабы и слуги, что же касается любовных утех, для того есть гетеры и наложницы, которых следовало бы запирать покрепче в гаремах и домах терпимости с первым проблеском утренней зари. Тем же, кто хо ет продолжить свой род, сообразней было бы прогонять жен после рождения наследника, ибо жены подобны вампирам, пьющим не кровь, но мозговое вещество своих и без того не

слишком умных мужей…

Именно так, и это следует записать!

Бормоча себе под нос, Шейх Чилли отправился в комнату, где на резной деревянной конторке лежала книга в сафьяновом переплете и остро отточенное тростниковое перо – калан.

Найдя чистую пергаментную страницу, он обмакнул калан в сок чернильных ягод, немного подумал и вывел следующие строки:

> «Между различными видами коней, металлов, деревьев, камней, одежд, мужчин и напитков существует большая разница. Но нет отличия среди женщин, а потому мудрый избегает дружбы змеи, споров с толпой, переправ через бурные реки и любовных утех в час без тени. Поспешно взявший жену подобен индюку, считающему, что повар готовит похлебку, чтобы насытить глупую птицу.»

Шейх Чилли перечитал написанное и остался доволен: утро не пропало даром, скрижаль мудрых мыслей, которую он пополнял вот уже десять лет, обогатилась еще одним небесполезным изречением.

Книгу эту Чилли позаимствовал некогда у своего первого учителя, странствующего пандида. По вечерам старик царапал страницы тростниковым пером, поверяя им плоды своих возвышенных размышлений. Когда Чилли посчитал свое ученичество оконченным, он прихватил у пандида мешок золота, медную чашу для подаяний, четки, еще кое-какую мелочь и, оставив благодарственную записку, отправился в самостоятельные странствия, бурные и непредсказуемые, как Западное море. Не одну пустыню пересек он, не в одной стране поб вал, немало приобрел и многого лишился, но книга в сафьяновом переплете всегда была в его заплечном мешке или лежала за пазухой, днем согревая тело, а вечерами – душу.

Особенно нравились ему мысли старого мудреца о богатстве. Такие, например:

> «Кто богат – тот знатен, тот умен, тот знаток добродетели, тот воистину совершенен…»

Или:

> «У кого деньги – у того друзья, у кого деньги – тот человек ученый и уважаемый…»

Правда, в дни. Когда не удавалось собрать достаточно «святих даров», причитавшихся служителю Митры на свадьбах и похоронах, пандид вдруг принимался славить бедность, утверждая, что та делает человека незаметным и позволяет ему беспрепятственно наблюдать за другими. В этом была толика правды, но Чилли все же полагал, что если нищета может в иных случаях быть плащом-невидимкой, то золото всегда является надежной броней и защитой от жалящих стрел всевозможных бед и напастей. А посему, следуя располож нию звезд, предписавших ему добиваться всего собственным умом и изворотливостью, бывший ученик пандида направил свои усилия в нужном направлении и весьма в том преуспел.

Ныне он с легкой усмешкой мог перечесть свою первую запись, следовавшую за каракулями пандида:

«Ветер – друг огня, который пожирает лес, но тот же ветер тушит огонек в лампаде; кто друг бедному человеку?»

Огонек в лампаде с каждым годом разгорался все сильнее, питаемый его хитроумием, благосклонностью Бела, а также глупостью и жадностью многих, чья дорожка пересекалась с кривой стежкой блистательного авантюриста.

Шейх Чилли никогда не опускался до обычного воровства. Он принимал лишь то, что само плыло в руки. Случалось ему продавать невидимые дворцы и волка в мешке, дырки от кренделей и запах туберозы, звон монет и взгляд птицы семург, небесный окаем и водяные горы. Покупатели всегда находились. Он умудрился всучить вендийским купцам две тысячи зингарских шпаг, столь же годных для тюрбанного войска, как железный нож для пикта. Некий богатый северянин приобрел у него табун беговых верблюдов, разумея, очевидн, что длинные ноги сих теплолюбивых животных сгодятся на заснеженных гиперборейских полях. Гирканский вождь купил триста мешков горячего песка из шемской пустыни, желая обогревать им свои кибитки. Черный король Амазонии внял уговорам и отправил в Ванахейм флотилию груженых самоцветами тростниковых лодок, чтобы обменять драгоценности на ледяные глыбы, из которых намеревался возвести в джунглях сверкающие хоромы…

Лодки, к сожалению, стали добычей ни то бараханских пиратов, ни то гигантских спрутов, так что мечта черного короля осталась неосуществленной, а Шейх Чилли отправился в Замору, чтобы поселиться в славном Шадизаре, обрести покой и завершить наконец начатый некогда старым пандидом тяжкий труд: «Книгу тысячи песчинок», как он ее называл.

По дороге в страну воров любимец Бела заночевал в одном из блистательных гаремов Иранистана. Без ведома хозяина, конечно, исключительно в силу своей неподражаемой способности находить общий язык со всеми, включая сторожей и даже некоторых евнухов. Выведав у сладострастных одалисок всю подноготную страдающего ожирением и хронической изжогой повелителя, Чилли явился пред его очи и столь успешно погадал изумленному вельможе на своем магическом плате, что получил в подарок дюжину красивейших ковров, двух верблюдов, звание чашнигара и самую толстую наложницу. От двух последних даров он вежливо отказался: звание чашнигара предполагало опробование яств на предмет отсутствия ядов, а женщина была слишком глупой и ленивой, чтобы использовать ее по хозяйству.

Ковры же пришлись кстати: получив от шадизарского наместника за немалую плату вид на жительство, Чилли купил по случаю дом возле Большого Канала и открыл при нем торговлю тканными изделиями.

Распоряжался в лавке хромой и жуликоватый Ахбес, почитавший своего хозяина лучшим и достойнейшим из людей: Шейх Чилли ничего не понимал в коврах и никогда не заглядывал в счета и расписки покупателей. Ахбес полагал, что только так и подобает вести себя человеку просвещенному и богатому – жалование пусть и вовсе не платит, только бы навар каждый день не пересчитывал!

Впрочем, хромоногий приказчик подозревал, что торговля коврами отнюдь не является для его господина основным занятием. Ахбес давно заприметил, что многие посетители не долго задерживаются в лавке: помяв для приличия ткань и похвалив узоры, они отправлялись наверх, где угощались айраном, солеными фисташками, фундуком и миндалем, о чем-то подолгу беседуя с достопочтенным Чилли. И если поначалу тень заботы лежала на их лицах,

то спустя день-другой, когда гости появлялись вновь, прикрывая полами халатов оттопыренные пояса, на губах их играли довольные улыбки, исчезавшие лишь ненадолго, когда посетители принимались что-то подсчитывать, беззвучно шевеля губами.

Ахбеса снедало любопытство. Вчера, когда пришла женщина в коричневой накидке, он не удержался, пробрался наверх и принялся подслушивать возле неплотно прикрытых дверей.

У женщины стряслась беда: умер муж. Однако беда заключалась не в том, что сей мелкий торговец отправился в Нижний Мир (был он стар и весьма докучлив), а в его завещании. Скрепленное печатью городского нотариуса, завещание предписывало вдове продать единственного верблюда, а вырученные деньги пожертвовать на алтарь Митры. Очевидно, торговец никак не желал вечно скитаться по Серым Равнинам и надеялся откупиться. Вдова была в смятении: палевый красавец с томными глазами честно кормил семью, и вот тепер между его горбов будет ездить кто-то другой! И мало того, вся выручка достанется жрецам. О том, чтобы нарушить волю умершего, не было и речи: женщина опасалась гнева Митры и городских властей.

Ахбес затаив дыхание ждал, что ответит Чилли. Но вместо этого услышал свое имя, произнесенное негромким, вкрадчивым голосом хозяина. Обливаясь потом и зыркая по сторонам глазками, приказчик вошел и склонился в низком поклоне.

– Ай-яй-яй, – донеслось до него, словно сквозь вату, – да у тебя, друг мой, ослиные уши!

Ахбес что-то забормотал в свое оправдание, но Чилли нетерпеливо махнул рукой и приказал ему сесть.

– Я не хочу, чтобы в городе ползали сплетни, будто я занимаюсь здесь чем-то незаконным, – сказал он, – а лучший способ развеять слухи – рассказать все слуге. Слушай, прохвост, и не говори потом, что твой господин что-то скрывает.

И Ахбес услышал удивительный совет, который его господин дал той женщине.

– Исполни завещание покойного, – сказал Шейх Чилли, – продай верблюда и отдай деньги жрецам.

Посетительница всхлипнула и принялась кусать пальцы.

– Но, – добавил хозяин, улыбаясь, – продай его вместе с кошкой.

– С кошкой?! – воскликнула вдова так испуганно, словно Чилли предложил ей проглотить раскаленный уголь.

– Думаю, у тебя найдется в доме кошка, – продолжал советчик как ни в чем не бывало, – ты отнесешь ее на рынок и скажешь покупателям, что верблюд продается только вместе с этим милым животным. Кошка стоит тысячу монет, а верблюд – один золотой…

Женщина заголосила. Среди ее невнятных восклицаний можно было все же разобрать, что несчастная вдова скорее даст посадить себя на кол, чем продаст кормильца за одну монету.

– Да пусть вылезут у меня волосы, да пусть отсохнут ноги, – вопила она, – да пусть язвы покроют мое тело! Где это видано, просить столь ничтожную цену за здоровое животное!

– Для Митры одна монета, поданная благочестивой рукой, столь же дорога, как и тысяча, – слегка поморщился Чилли. – Разве ты не хочешь выполнить волю мужа и отдать жрецам то, что им по праву принадлежит? Плату за кошку можешь оставить себе.

Просительница умолкла, глаза ее радостно заблестели.

– Воистину, ты самый мудрый из всех шадизарцев! – воскликнула она и бросилась целовать руку Чилли. – Тысяча золотых… Я поделюсь с тобой, о светоч учености. Вот только объясни мне, достойнейший, где сыскать покупателя, готового отдать за обычную кошку

столько золота?

Шейх Чилли горестно взмахнул руками.

– Воистину, – сказал он сердито, – твоя красота достойна твоей глупости. Помысли: ведь кошку ты будешь продавать вместе с верблюдом. Поняла?

– Нет, – честно призналась женщина.

– Ахбес! – рявкнул тут хозяин. – Отправляйся с этой несчастной на рынок и помоги спасти ее детей от голодной смерти. Ты все понял?

Приказчик все понял. Он был восхищен. Он мысленно возблагодарил Бела, за то, что бог всех пройдох послал ему столь достойного господина. Ахбес не любил чванливых жрецов и считал, что золоту более пристало отягощать карманы мирян, чем украшать алтарь Митры. Кроме того, хромоногий надеялся, что его пояс после возвращения с базара слегка потяжелеет.

Ахбес выполнил указание: продал верблюда за одну деньгу, облезлая же кошка вдовы потянула на тысячу пятьдесят золотых. Покупателю, какому-то хауранскому купцу, он объяснил, что кошка продается согласно древнему поверью, согласно которому зверек сей является лучшим оберегом для своего горбатого сотоварища. Хауранец только посмеялся, посчитав, что у продавцов не все дома. Как, впрочем, у всех шадизарцев.

Полсотни золотых Ахбес оставил себе, одну монету вдова торжественно отнесла в храм, судьба остальных денег осталась для приказчика неведома. Посетительница явилась поздним вечером с увесистым мешочком, но Ахбес готов был поклясться, что тот вовсе не стал меньше, когда симпатичная вдовушка покинула спальню хозяина нынешним утром. Ночами Шейх Чилли иногда предпочитал презренному металлу горячие женские ласки.

Проводив гостью, Ахбес отправился в лавку. Он придирчиво осматривал поступивший недавно кхитайский шелк, когда прибежал мальчишка. Выслушав его сбивчивую речь, приказчик отправился наверх и застал своего хозяина возле конторки.

– Пришел посыльный из бани Шахмура, – доложил Ахбес с поклоном, – некий бедолага лишился своей одежды и просит тебя, господин, прислать ему какое-нибудь старое платье, ибо не может появиться на улицах в срамном виде.

– Как зовут этого недотепу? – спросил Чилли, откладывая тростниковое перо.

– Он назвался Ши Шелалом, господин, – еще раз поклонился приказчик, – говорит, что ты его знаешь.

2. Прекрасная вертихвостка

Шейх Чилли отлично знал Ловкача Ши. Однажды этот невзрачный человечишко с крысиной мордочкой помог ему в неком деле, где фигурировал заброшенный дом, мнимый призрак и ухо одного жадного ювелира, намертво приклеившееся к створке дверей. Ши тогда получил причитающуюся ему долю и решил стать почтенным торговцем: закупил в Аренджуне кучу разной посуды и домашней утвари и открыл лавку. Дела у него шли неплохо.

Когда посланный в баню Шахмура приказчик доставил Шелама в дом своего господина, Ловкач выглядел довольно жалко. Полы старого халата волочились, словно крылья подстреленной птицы, острый носик поник, волосы всклокочены.

Ши рухнул на подушки и стал ломать пальцы, вращая при этом зрачками, что делал всегда, когда был чем-то до крайности огорчен или озабочен.

Хозяин дома хранил молчание, ожидая, пока гость заговорит.

– Не иначе как сам Бел лишил меня разума, – воскликнул наконец Ловкач, потирая узкий свой лобик. – Ты был прав, Чилли, когда утверждал, что женщина создана нам на погибель.

– Ты женился?

– Чуть было. Я стоял в десяти шагах от пропасти.

– Какая точность! Почему именно в десяти?

– Ровно столько было между кустами и той вертихвосткой, которая дважды меня надула.

– Второй раз, надо полагать, сия особа похитила твою одежду. А первый?

– Еще хуже! Она вывезла на шести мулах почти все содержимое моей лавки!

Настала очередь Чилли потирать лоб. Это однако не помогло, и хозяин дома на набережной вынужден был признать, что ничего не понимает.

Тогда Ловкач, которого дважды надули, поведал ему о своих заключениях.

Три дня назад явилась к нему некая госпожа. Четверо слуг несли ее в резных носилках, а еще трое гнали следом мулов. Процессия остановилась возле лавки Ши, женщина вошла; следом, сгибаясь под тяжестью сундука, появились слуги. Госпожа желала купить посуду, много посуды.

– Точнее говоря, – рассказывал Шелам, – она хотела приобрести все, что у меня было. Сказала, что справляет поминки по отцу и ждет много гостей. Лицо ее прикрывала черная накидка, и когда она откинула покрывало, я… она…

– Она была прекрасна, как майский цветок, – подсказал Чилли.

– Как благоухающий куст, покрытый тысячью цветов!

– Как тысяча кустов, покрытых миллионом роз.

– Да, и еще лучше! Если бы ты ее увидел, не стал бы меня подначивать. Глаза, как… как…

– Озера, – снова вставил Чилли.

– Губы, как…

– Кораллы.

– Да, кораллы! А волосы чернее воронова крыла! Юная и прекрасная…

Ши замолчал и причмокнул.

– И она тебя обокрала, – снова подал голос хозяин.

Шелам застонал.

– Я потерял голову! Сам помогал грузить мулов. Когда пришло время платить, девушка хотела открыть свой сундук…

– Да ключ забыла дома, – перебил Чилли.

– Ты откуда знаешь? – изумился Ловкач.

– Догадываюсь. Скажу больше: она предложила оставить у тебя сундук, пока мулы отвезут посуду и она сможет вернуться с ключом. И ты, дурень, согласился.

– Так ведь я посмотрел, что в сундуке, – обиделся Ши. – Если бы не посмотрел, не так обидно.

На этот раз удивился Чилли.

– Как же ты смог в него заглянуть, если крышка была заперта? – спросил он.

– А вот так! Сверху было небольшое слюдяное окошко, смотрю – блестит что-то, я и поверил, что золото.

Хозяин дома расхохотался.

– Одно меня удивляет, – сказал он, отсмеявшись, – то, что провела тебя женщина. Ты хоть имя ее узнал?

– Она говорила, да я запамятовал. Говорю, потерял голову!

Ловкач сердито надул губы и нахохлился, словно курица на насесте.

– В сундуке, конечно, были обычные камни, а сверху несколько начищенных медяшек, – продолжал рассуждать Чилли. – Ты ждал до вечера, потом взломал крышку и смог в этом убедиться.

– До утра я ждал, – буркнул Ши, – и не медь там была, а настоящее золото. Десять монет, цена одного хорошего кувшина.

– Щедрая женщина, – заключил его собеседник, – и, видимо, не бедная. Не верю, что она сама додумалась до такого, видать, подучил кто-то. Трюк, в общем-то, старый, но на некоторых простаков отлично действует. Ну, а как же ты второй раз купился?

Ловкач немного посопел и рассказал, как он купился во второй раз.

Было это вчера на закате. Весь день Ши бродил по городу, разыскивая пропавшую покупательницу, но, так как позабыл ее имя и не мог толком описать наружность девушки, нисколько не преуспел. К вечеру он оказался на пустыре возле городской стены, где росли чахлые кусты и несколько кривых вязов. Ловкач присел возле дерева, оплакивая свою лихую судьбу. Однако он даже мысленно не смел проклинать обманщицу, чье прекрасное лицо маячило перед ним подобно яркой лампе, рассеивавшей мрак горестных размышлений.

– Слезы застилали глаза мои, – несколько высокопарно, как все влюбленные, повествовал Ши, – когда же пелена спала, увидел я, что красавица стоит передо мной и грустно на меня смотрит. Оказывается, она тоже искала меня, испытывая муки совести и желая вернуть украденное. Я думал, что схожу с ума, и все это мне мерещится, но она дотронулась до моих щек и утерла мне слезы… Можешь угадать, что было дальше?

– Не могу, – признался внимательно слушавший Чилли.

– Она предложила мне жениться! На ней. Сказала, что покойный отец ничего не оставил, и только это заставило ее пуститься на хитрость, чтобы достойно справить поминки. Но, если меня не смущает ее бедность, и я кое-чем докажу свою любовь, она немедленно отдаст мне самое дорогое, что есть у женщины.

– О боги! – не удержался Чилли. – И ты поверил?

– Да! – взвизгнул Ловкач, вскакивая. – Поверил! Она околдовала меня! Я скинул одежду и пустился к кустам, вопя во все горло: «Я люблю, я люблю!», Как она просила…

Вертихвостка! Обманщица!

И он забегал по комнате в крайнем возбуждении, сметая полами халата подушки и опрокидывая бамбуковые этажерки.

Хозяину пришлось ждать, пока Ловкач угомонится. Когда тот немного успокоился и снова уселся, Чилли сказал:

– Не стоит так расстраиваться, не ты первый, кому женские чары вскружили голову. Женщины подобны прекрасным птицам, под пышным оперением коих таится змеиная сущность. Митра сотворил их, дабы испытывать стойкость мужей. Но как ты оказался в бане?

– А куда мне было деваться, голому? – горестно отвечал Ши. – Пробрался тайком в купальню старого Шахмура, что возле пустыря, и пересидел там ночную стражу. А утром, когда пришли посетители, вылез из-под лавки и отправил к тебе мальчишку. Спасибо, что не оставил в беде старого приятеля.

Он умолк и, вспомнив, что сегодня еще не завтракал, поспешно принялся поедать жареные орехи, пахлаву и фрукты.

Чилли тоже молчал, что-то обдумывая. Потом задумчиво произнес:

– Удивительную историю поведал ты, друг мой. И самое удивительное в ней то, что женщина рискнула дважды обмануть тебя в течении короткого времени. Пройдохи обычно стараются держаться подальше от тех, кого смогли провести и на ком смогли поживиться. Это понятная осторожность. Сия же особа не побоялась вновь подшутить над человеком, который ее уже знал. Странно. Либо она преследовала свои, ведомые лишь ей планы, либо ее действия следует отнести на счет обычной женской глупости. Так как тебя не отнесеш к персонам, вокруг коих плетутся интриги, остановимся на последнем предположении. Не хочешь ли обратиться к властям?

– А! – отмахнулся Ши Шелам. – Не люблю я судейских. Да и стыдно мне, уважаемый, ох как стыдно! Провела меня мерзкая баба…

– Да не ты ли называл ее благоухающим розовым кустом? – усмехнулся Чилли. – Не ты ли сравнивал ее глаза с глубокими озерами?

– Омуты это, где нечисть водится, а не озера, – пробурчал Ловкач. – Веришь ли, как вспомню ее лицо, так в груди становится горячо и ноги ватные… Ее бы убить надо, а явись она сейчас, снова голову потеряю!

– Сходи в веселый дом к матушке Хатиме, – посоветовал Чилли невозмутимо, – или к цирюльнику, кровь пустить. Полегчает.

– Может и схожу, – покивал Ши. Потом, помявшись, робко продолжил: – Послушай, уважаемый, нет ли у тебя какой работенки? Помнится, мы славно обтяпали одно дельце, ну, с ювелиром этим… И навар был неплохой. Я снова без гроша и готов взяться за любое предприятие.

– У тебя осталась еще лавка, – напомнил Чилли, задумчиво потирая гладко выбритые щеки.

– Что проку в лавке, когда нет товара, – удрученно пробормотал Ловкач, – домишко плохонький, за него много не выручишь. Не дай пропасть, уважаемый! По глазам вижу, что-то есть у тебя на уме…

Шейх Чилли немного помедлил, отхлебнул из чашки разбавленную водой сыворотку и заговорил веско и наставительно.

– Плох тот, кто держит свой дом полным, а голову пустой, равно как и муж, пекущийся

лишь о приумножении богатства, ибо пчелы собирают мед в улей, а пользуются им другие. Жизнь человеческая подобна реке, в которую нельзя войти дважды, но всякий может возвести запруду, чтобы направить поток в нужное русло. Истинно мудр лишь тот, кто не гоняется за облаками в небе и не взбирается на дикие скалы, где обитают хищные орлы и коварные змеи…

Ши таращил на него глазенки, тупо кивая после каждого слова.

– А посему, – молвил Чилли, – следует размышлять, прежде чем действовать. Сейчас я обдумываю некое дело, сулящее немалую выгоду тем, кто за него возьмется. Увы, мой друг, я не могу предложить тебе в нем участвовать, ибо ты слаб и, несмотря на свое лестное прозвище, не слишком умен…

– Нам хватит твоего ума! – горячо перебил его коротышка. – Хватит с избытком! Тебе все равно понадобится помощник, готовый в точности исполнить любое указание, и я сгожусь, как нельзя лучше. Что же касается силы, тут ты прав. Вот если бы наш юный киммериец, этот тигр отваги и скала мышц, присоединился к нам, как в прошлый раз…

– Кстати, что ты о нем слышал? – заинтересованно спросил Чилли.

– Да то же, что и все, – отвечал Шелам, – он спустил немало денег в шадизарских духанах, убил восемь человек, дюжину искалечил, а потом куда-то исчез. Болтают, подался зачем-то в Эр-Шуххру…

– Это, кажется, паршивый городишко, что лежит между Шадизаром и Аренджуном?

– Гнилое место, – сплюнул Ловкач, – уж на что шадизарцы да аренджунцы продувные бестии, но столицей нашей страны воров я сделал бы Эр-Шуххру!

В это время снизу раздался какой-то грохот. Не успел Чилли отправить служанку узнать, что там случилось, как дверь комнаты отворилась, и над головами остолбеневших приятелей, отчаянно дрыгая руками и ногами, с ужасным воплем пролетел несчастный Ахбес. Он плюхнулся в дальний угол, вдребезги расколотив дорогую уттарскую вазу, поднялся на четвереньки и, жалобно подвывая, проворно побежал прятаться за шкаф.

– Твой пес не хотел меня впускать! – раздался с порога трубный глас.

Покрытый с головы до ног дорожной пылью, с торчащей из-за левого плеча рукоятью тяжелого аквилонского меча, яростно сверкая синими, как северные озера, глазами, в дверях стоял Конан-варвар собственной персоной.

3. Ночные тени

Усевшись, киммериец первым делом потребовал вина. Ахбес был извлечен из-за шкафа и отправлен в подвал: хозяин дома сам горячительного не употреблял, но для гостей держал и аренджунское, и пуантенское, и еще более экзотические напитки. Приказчик удалился, стеная, охая и злобно поглядывая на юного варвара.

– И захвати жареного мяса, сын шакала! – бросил ему вслед киммериец.

– Ты зря его обижаешь, – мягко сказал Шейх Чилли, – он хороший слуга, хоть и приворовывает в лавке.

– И ты терпишь? – хмыкнул Конан.

– Честолюбивый имеет сотню преданных слуг, мудрый предпочитает одного хитрого. Пожалуй, это стоит записать. А ты, мой друг, не хочешь ли тем временем смыть с себя грязь? Поверь, омовение по утрам не только бодрит тело, но и лишает душу груза забот.

В сопровождении служанок Конан удалился в купальню, а хозяин дома пополнил тем временем «Книгу песчинок» еще одним мудрым изречением.

Киммериец вернулся в широком полосатом халате, бросил подле себя ножны с мечом и, развалясь на подушках, принялся уплетать за обе щеки жирный курдюк с фасолью, луком и черносливом, лагман с овощами и острыми специями, голубцы с виноградными листьями и сладкий рис с шафраном, запивая все это добрыми глотками пальмового вина, несколько приторного, но достаточно крепкого.

Щеки служанок пылали, девицы смотрели на юного варвара с нескрываемым восхищением.

– Что привело тебя в мой дом в столь ранний час? – вежливо спросил Чилли, поддерживая трапезу маленькими горстками рисового зерде. Мяса он избегал.

– Нергал меня привел, – отвечал Конан с набитым ртом, – чтобы съели желудочные черви кишки этому прохвосту…

– Нергалу? – не понял Чилли.

– Кром! – рявкнул варвар, бросая обглоданную баранью кость на устилавший пол иранистанский ковер. – Я говорю о том юнце, который подсунул мне сущих бестий в образе коня и трех собак!

– Юнце?

– Ну да, о смазливом мальчишке с усиками. Клянусь единственным глазом Бела, следовало их выщипать! В наших землях мужчины скоблят лицо, пока не убьют первую дюжину врагов. А этот змееныш отпустил волосы на губе, с которой еще не стер материнское молоко!

– Послушай, – сказал Чилли вкрадчиво, – успокойся и расскажи все по порядку. Наш друг Шелам уже потешил меня своей историей, думаю, твоя окажется не менее забавной.

– Забавной?! – Конан сжал кулаки. – Она забавна, как танец повешенного! Много я слышал про обманщиков из Эр-Шуххры, но чтобы меня провел мальчишка!..

Хозяин дома с трудом сдержал улыбку. Варвару едва минуло шестнадцать зим от роду, ни один волос не украшал его смуглое лицо, но киммериец уже давно считал себя взрослым мужчиной. Не без оснований, впрочем. Те, кто имел неосторожность выразить сомнения по этому поводу, поплатились здоровьем, а многие и жизнью.

– Ты говорил что-то о коне и собаках, – осторожно напомнил Шейх Чилли, наблюдая за

своим гостем из-под полуприкрытых век.

Конан отхлебнул вина, вытер губы тыльной стороной ладони и, несколько успокоившись после сытной трапезы, поведал следующее.

После того, как они поделили деньги ювелира, он славно погулял в Шадизаре, окруженный преданными друзьями и готовыми на все женщинами, которые, словно пчелы на мед, слетелись на звон его золота. Духанщик Абулетес, равно как и иные содержатели питейных заведений могли быть довольны: монеты старого скряги с Алмазной улицы вскоре перекочевали в их крепкие сундуки. Впрочем, довольны были и собутыльники, и игроки в кости, и даже жрецы храма Митры, которым варвар пожертвовал с похмелья увесистый мешочек, чем сейчас весьма сожалел.

– Один жрец стал увещевать меня заходить почаще, – рассказывал Конан, прихлебывая пальмовый настой, – я же всегда считал, что Митре золото вообще ни к чему. Так ему и сказал. Он стал гундосить что-то о благочестии и осторожности, о будущем… Блажен, говорит, тот, кто преумножает богатства на благо себе и богам. Насчет приумножения я согласился и стал думать, как бы распорядиться остатком денег. Тут и послал ко мне Нергал Кривого Ахбара. Вы знаете Кривого Ахбара?

– Никогда о нем не слышал, – сказал Чилли.

– А я слышал, но знать его не хочу, – сказал Ши Шелам.

– Правильно, – согласился киммериец, – ублюдок этот Ахбар. Нергал по нем плачет. Пили мы с ним у Абулетеса, Кривой мне и расскажи, что появился в Эр-Шуххре некий продавец боевых собак. Собаки эти носят утыканную шипами броню, как немедийские рыцари, и обучены разным штукам. Хозяина в бою защищают или с другими такими же на майдане дерутся. В Туране такие бои почаще петушиных устраивают. Победитель хорошие деньги получает.

– А сам Ахбар откуда прознал о тех животных? – спросил Чилли.

– Говорил так, словно своими глазами видел, – хмыкнул Конан. – Стало мне интересно, я и отправился в Эр-Шуххру, чтоб ей пусто было. Людей поспрашивал. Отвели меня к продавцу. Жил он в гостинице, приезжий. Вхожу в комнату, гляжу – сидит этакое чудо, персик кушает. Щеки румяные, ресница длинные, как у девицы, тюрбан на голове с перышком и зеленым камнем. На пальцах перстни. Пальцами усы поглаживает. Потолковали. Отец, говорит, помер и собак этих ему оставил, а он и знать не знает, что с ними делать, отому продает.

– Не иначе мор на отцов пошел… – пробормотал Чилли себе под нос. Варвар пропустил его слова мимо ушей и продолжал:

– Повел меня собак глядеть, они в загоне при гостинице были. Здоровые псы, клыки желтые, на мордах железные маски, а в глазах смерть таится. Свистнул юнец, они лапами землю порыли и ну друг на друга кидаться, только броня зазвенела. Свистнул другим манером – построились в ряд и стали на загородку прыгать. Слуги, что с нами были, в штаны наделали и прочь из сарая. И то сказать, немало я зверья всякого повидал, но таких злобных тварей впервые встретил. Как же, продавца спрашиваю, с ними справляться? А это, говорит, проще простого: они к коню приучены, и тот кто в седле – для них хозяин, они за него кого хочешь в клочья разорвут. Пальцами щелкнул, курлыкнул как-то по особенному, и является тут конь…

– Откуда? – испуганно прошептал Ловкач, завороженный рассказом приятеля.

– Из тьмы кромешной! – Конан страшно пошевелил растопыренными пальцами. –

Ладно, не дрожи, крысеныш, лошадка вышла из соседней загородки. Умный зверь: пока хозяин не кликнул, стоял тихо, таился, как не видел, что псы выделывают. Приучен, стало быть. Мне коняга сразу глянулась: в холке локтей шесть будет, грудь широкая, шея крутая, голова маленькая, ноги сухие, левой задней? Белая отметина, а на огромных копытах когти…

– Что-что? – изумился Шейх Чилли. – Когти? У лошади?!

– Железные когти, – кивнул Конан, довольный тем, что смог удивить своего знакомцаграмотея. – Никогда о таких не слышал? Я тоже не знал, пока сам не увидел. На бабках железные браслеты надеты, а от них вниз и немного вперед – словно птичьи лапы… Скакать не мешают, а если конь на дыбы встанет, да ударит ногой – кольчугу запросто разорвет, и броня рыцарская, пожалуй, не устоит. А как он обучен наносить удары, я сам видел.

И киммериец рассказал, что он видел. В сопровождении слуг они отправились за город, и там варвар вдосталь погонял коня по степи. Животное легко слушалось поводьев; собаки неотступно держались рядом. Потом слуга повесил на сук довольно толстого дерева медный щит, а юноша-продавец показал, как следует поднимать коня на дыбы. Удар был так силен, что щит раскололся, а дерево затрещало и рухнуло на землю.

Настала очередь собак. Слуга метнул копье, один из псов поймал его на лету и легко перекусил зубами. Затем юноша предложил покупателю слегка помахать мечом. Псы окружили киммерийца, и сколько он ни старался достать их клинком, усилия его оказались тщетны: собаки легко отскакивали в сторону, не размыкая при этом круга, и отбежали только по свистку хозяина.

Когда стемнело, юнец отвел собак в придорожные кусты, снял с них шипастую броню и приказал лежать. Вскоре на тракте раздался скрип тележных осей и заунывное пение погонщика: пара волов тянула тяжелую повозку с колесами в рост человека.

Черные тени беззвучно метнулись из кустов, раздался негромкий треск, и повозка встала. Погонщик заругался и принялся стегать волов кнутом, но животные только перебирали ногами, не в силах сдвинуться с места. Они фыркали и тревожно мотали головами, чуя собак, которых так и не увидел возница.

Юноша только посмеивался. Дав Конану убедиться, что его псы крепко держат телегу за заднюю ось, он свистнул, и повозка вновь покатила по дороге. Ее владелиц так никогда и не узнал о причине таинственной остановки, приписав все проделкам мелкой нечисти.

– Если бы он увидел, кто держал его телегу, тут же окочурился бы со страху, – заключил варвар. – Эти бестии будут пострашнее иных демонов.

– И ты их купил, – сказал Чилли.

– А ты бы что сделал на моем месте?

– Держался бы подальше.

– Ну да, слышал: следует избегать переправ и не забираться в горы. А по мне так лучше свернуть шею в скалах, чем подавиться сливовой косточкой. Я купил собак и коня.

– И куда же они делись?

– В задницу Нергала они делись! Говорю, меня надули. Этот прохвост с усиками хоть и говорил, что приезжий, а я так думаю – вся его родня из Эр-Шуххры. Выложив деньги, я предложил обмыть сделку. Юнец сказал, что вина не пьет, но компанию поддержит. Мы отправились в духан при гостинице, где я и оставил последние монеты. Многие уже прознали о покупке и старались вовсю, расхваливая мою мудрость и отвагу. Какой-то ублюдок договорился даже до того, что с моими бронированными друзьями можно смело

идти в Не едию завоевывать трон Бельверуса. У меня же были другие планы: я собирался отправиться в Аграпур и заработать на собачьих боях побольше денег. Зря собирался.

Змееныш сидел напротив и чокался со мной чашкой, в которую не наливал ничего крепче щербета. Мяса он тоже почти не ел, предпочитая фрукты. Впрочем, видел я его недолго: он вскоре откланялся и уехал со своими слугами. А меня потянуло в сон, и я отправился наверх, в свою комнату.

– Думаю, сон твой был крепок, – негромко молвил Чилли.

– Нетрудно догадаться, – сказал варвар, – ублюдок подсыпал мне в кубок какой-то дряни. Но он слегка просчитался: ночью, заслышав внизу шум, я сумел подняться и выйти во двор. Правда, поздно: стена сарая была разломана, рядом валялся слуга с окровавленной головой, конь и собаки исчезли. Перепуганный хозяин гостиницы рассказывал, что, пойдя на двор помочиться, услышал негромкий свист, а потом страшный треск рушившейся стены. Когда же из пролома метнулись шипастые тени, а за ними – огромный конь, он пр сто лишился от страха чувств. Его слуга оказался храбрее: бросился ловить лошадь и поплатился за это жизнью. Я хотел было пуститься в погоню, но не мог даже сесть в седло: проклятая отрава все же подействовала.

Конан умолк и снова потянулся за кубком. Ши сидел с открытым ртом, нервно икая. Было слышно, как Ахбес ругается с кем-то в лавке.

– Да, – сказал наконец Шейх Чилли, – не зря говорят: тигра ловят капканом, рыбу – сетью, а золото – кончиком языка…

– Это ты о чем? – насторожился варвар.

– Просто поговорка. И не совсем верная: к языку надобно кое-что еще. Об имени ловкого юноши я не спрашиваю, оно, конечно, выдуманное.

– Да я его и не спрашивал, – буркнул киммериец, – он показал товар, я отдал деньги… Три тысячи подземных демонов! Змееныш дорого заплат за обман, когда я его найду!

– Надеешься найти? – вкрадчиво спросил хозяин дома.

– Достану с Серых Равнин! Я кое о чем порасспросил Ахбара. Кривой клялся Белом, что юнец дал ему десять золотых за то, чтобы найти покупателя, но больше он ничего не знает. Думаю, врал. Улизнул от меня ублюдок, а то, глядишь, порассказал бы еще чего. Абулетес, у которого повсюду глаза и уши, тоже не слышал ни о псах в рыцарских доспехах, ни о конях, которые прошибают копытом стену. Правда, он сказал, что в округе померли недавно два небедных отца семейств: судья Раббас в шадизарском предместье, но него никогда не было боевых собак, и еще какой-то землевладелец Аддемекар, но у того осталась только дочь…

– Думаю, ты не там ищешь, – перебил Чилли варвара. – Твой юноша наверняка не здешний и сейчас уже далеко вместе со своими животными и твоим золотом.

– Значит, я зря к тебе пришел, – сказал Конан. – Наслушался сплетен, что ты многим помог восстановить справедливость.

– Смотри на это дело как настоящий мудрец, – сказал Чилли, – боги послали тебе богатство, боги его и взяли. Стоит ли расстраиваться? Да и мало ли золота плавает вокруг – только протяни руку…

– Не темни, – сказал варвар, – выкладывай, что на этот раз задумал. Если боги захотят, они сведут меня с обидчиком, тогда я отомщу. А пока у меня есть время.

– Ты не мог решить лучше, – усмехнулся Чилли, – дело же, которое я предлагаю, касется упомянутого тобой покойного Раббаса. Есть у меня клиент, которому судья кое-что задолжал. Справедливости ради я обещал вернуть долг за четверть всей суммы. Сделаем вот что…

И автор «Книги песчинок» изложил Конану и Ловкачу Ши свой план.

Когда он кончил говорить, Ши сказал, что не любит кладбища.

Киммериец заметил, что на кладбища ему плевать, но хотелось бы знать, велика ли будет его доля.

Шейх Чилли заверил, что доля будет достаточно велика.

– Но для твоей затеи нужны четыре человека, – сказал Конан, – а нас только трое.

– Четвертым будет Ахбес, – сказал Шейх Чилли, – он все равно подслушивает под дверью.

4. Козлиный судья

Дом судьи Раббаса был лучшим в северном шадизарском предместье. Два его этажа, построенные из белого камня, были украшены затейливой лепниной, кое где отвалившейся, но все еще роскошной. Над входом висела жестяная вывеска с изображением весов, кривого меча и свитка, долженствующих олицетворять справедливость, кару и закон. Четыре стрельчатых окна выходили во двор, и под каждым стояло по гипсовой вазе. Посреди двора с пыльными кустами акаций печально журчал небольшой фонтан, что говорило о состоятель ости владельца: чистая вода в Заморе стоила немалых денег.

Дом судьи был погружен в траур. Гирлянды черных бумажных цветов колыхались на фасаде, тяжелые шторы закрывали окна, а во дворе нанятые родственниками покойного плакальщицы добросовестно вырывали клочки волос из ритуальных париков и мазали лица кармином, изображавшим кровь. Горестные вопли неслись к вечереющему небу, распугивая ворон и галок.

Народ тянулся к парадному входу, спеша выразить соболезнования и в последний раз взглянуть на мертвое лицо, еще вчера наводившее трепет, ибо судья Раббас славился на всю округу своей неумолимостью к тяжущимся, извлекая для себя одинаковую выгоду как из стороны виновной, так и правой. «Ответчик платит за то, что не прав, а истец платит за то, что не прав ответчик» – такова была любимая поговорка почтенного законника.

За глаза щуплого Раббаса называли Козлиным судьей. Прозвище это прилипло к нему с молодости, когда он только получил судейскую шапку из рук шадизарского наместника. Причиной тому были два кума, Кариб и Ассарх, поймавших ничейную животину где-то в поле. Козел был старый, весь в репьях и с обломанным рогом, но каждый из кумовьев счел долгом в тайне от другого прийти к судье и дать ему двадцать монет, чтобы животное присудили ему. Когда они явились на суд со своей бородатой находкой, Раббас задал тольк один вопрос: сколько стоит их животина? «Сорок монет!» – не сговариваясь воскликнули Кариб и Ассарх. «Тогда я не понимаю, о чем вам судиться, – сказал Раббас, – каждый из вас дал мне по двадцать золотых. Считайте, что вы уступили козла мне». Спорщики растерянно посмотрели друг на друга. Они ничего не поняли, но каждый в тайне был рад, что животное не досталось другому. Это блестящее решение, достойное древних мудрецов, получило широкую огласку. Народ спрашивал кумовьев, куда девалась их находка, и, слыша н изменный ответ: «Козла съел судья», очень потешался.

С тех пор прошло немало зим. Прослышав о безвременной кончине Раббаса, Кариб и Ассарх поспешили в белокаменный дом, чтобы отдать последний долг столь мудрому и уважаемому человеку.

Внутри квадратного зала, посреди которого, засыпанный цветами и ветками жимолости, лежал на возвышении почтенный Раббас, толпилось множество народу. Были здесь осанистые торговцы со скорбными, блестевшими потом лицами, домовладельцы в полосатых халатах и мягких туфлях, несколько менял, прятавших скрюченные пальцы в широкие рукава, два сотника с подвязанными для выправки животами, четыре чиновника в черном, присланные шадизарским наместником, и народ более мелкий, включая и таких, кого одолевали блох, и кто пришел не столько выразить соболезнования, сколько поживиться на дармовщинку горстями риса с изюмом из стоявших вдоль стен широких оловянных чаш.

Все эти люди гуськом двигались по залу, стеная и всхлипывая, украдкой бросая взгляды

на длинный раббасов нос, торчавший из цветов, словно горный пик из подножного леса. Потоки слез не иссякали: многие еще во дворе добросовестно натерли глаз луком.

Кариб и Ассарх шли среди прочих, негромко переговариваясь. Ассарх только что вернулся из Аренджуна, где был по торговым делам, и не знал еще, какие причины побудили судью отправиться на Серые Равнины раньше срока. Кариб шепотом передавал сплетни.

Седьмицу назад, рассказывал он, неподалеку от предместья охотился со своими соколами некий молодой вельможа, и одна ловчая птица села на спину верблюда, принадлежавшего какому-то земледельцу. Вельможа, видимо ради смеха, объявил верблюда своей охотничьей добычей. Земледелец шуток не понимал и пригрозил пожаловаться судье. Тогда юноша вспомнил о сословной гордости и действительно забрал животное. Земледелец пожаловался Раббасу. Раббас вынес решение в пользу высокородного господина, каковой господин н в каких решениях вовсе не нуждался и на суд, естественно, не явился. Бывший владелец верблюда впал в гнев и публично пригрозил судье расправой. Ему дали плетей и отправили в родное селение. А пару дней назад кто-то прислал судье горшок бекмеза. Отведал ли Раббас угощение, доподлинно было неизвестно, только налился он черной желчью и быстро умер. Земледелец уже схвачен и отправлен в подвалы светлейшего Эдарта, а все жители предместья скорбят и льют слезы.

Однако горький плач – удел женщин, мужское же население предместья отдавала дань покойному судье и иным образом. В конце зала стоял широкий стол, крытый бархатной скатертью с золотыми позументами, и на нем громоздились штуки шелка и парчи, тонкого сукна и вендийского патола, резные шкатулки из сандалового дерева для украшений и бетеля, серебряные чаши и кувшины с чеканными узорами и кожаные мешочки, полные монет. Люди победней клали на скатерть медные деньги, справедливо полагая их не слишком высоко платой за предстоящее угощение на завтрашних поминках.

Приближаясь к столу, Кариб и Ассарх ревниво поглядывали друг на друга. Оказавшись возле груды даров, каждый полез за пазуху и извлек свои подношения. Это были две совершенно одинаковые фарфоровые чашки, купленные кумовьями в Шадизаре у лавочника Ши Шелама.

По обе стороны от стола на обитых золотым шелком пуфиках сидели два сына покойного. Старший, Бехмет, длинный и тощий, с отцовским носом на угрюмом лице, скорбно кивал головой, отвечая на соболезнования. Младший из братьев, которого звали Аюм, был румян и славился своей жадностью. Он то и дело поглядывал на подношения и теребил толстыми пальчиками несколько волосков на своем лоснящемся подбородке.

Когда кумовья, возложив дары и отвесив братьям поклоны, уже направлялись через зал к выходу, жрец, бубнивший что-то в изголовье покойного, громко возгласил о конце прощания. Это значило, что Козлиному судье предстояло теперь отправиться в последний путь на шамашан, где тело его с последними лучами солнца предадут огню.

Народ загомонил и хлынул на двор, где уже стоял огромный, украшенные черными цветами, задрапированный траурной кисеей паланкин. Многие побросали дары рядом с рисовыми чашами, опасаясь не оставить последнюю взятку покойному. Бехмет возложил на веки судьи круглые медальоны, залитые медом и воском – дабы мертвый не слишком пугался существ, ожидавших его душу на Серых Равнинах – потом воздел руки и принялся выкрикивать необходимые жалобы. Аюм полез было пересчитывать подношения, но, получив от старшего рата затрещину, присоединился к его стенаниям.

Четверо чиновников в черных кафтанах, отдавая последний долг городских властей,

подняли носилки с телом и вынесли через парадные двери.

Во дворе, тем временем, помимо плакальщиц и тех, кто вышел из дома, скопилось множество иного народа, охочего до всяческих зрелищ. Появление носилок было встречено горестными воплями и обнажением голов.

– Как они убиваются, брат, – молвил Аюм на ступеньках крыльца.

– Нашего отца уважали, – отвечал Бехмет.

– Уважали и любили, – хихикнул Аюм, – попробуй, не залюби…

– Молчи, дурак, – злобно шепнул старший, – лучше послушай этот плачь и стоны: они идут от самого сердца. Вон тот человек просто катается по земле и рвет на себе волосы…

Действительно, возле фонтана кто-то столь самозабвенно придавался горю, что привел в изумление не только братьев, но и всех собравшихся. Катавшийся в пыли человек был хорошо одет, но совсем не жалел ни платья, ни своих редких волос, которые, в отличие от париков записных плакальщиц, были явно собственными. Рядом с ним на корточках сидел мужчина помоложе, стараясь ласковыми речами унять безумца.

– Я что-то не видел их в доме с подарками, – сказал алчный Аюм.

Брат не успел ответить: молодой мужчина, словно заслышав эти слова, поднялся и, прижимая к груди небольшой сверток, направился к крыльцу. Его бородка была выкрашена в приятный желтый цвет и хорошо завита, а верхняя губа чисто выскоблена.

Приблизившись, он вежливо поклонился и сказал мягким голосом:

– Примите мои искренние соболезнования, ты, достопочтенный Бехмет, и ты, не менее достопочтенный Аюм. Мы ехали издалека и опоздали возложить свои дары вместе со всеми. В знак нашего искреннего уважения, примите это скромное подношение.

Он развернул белую материю и подал Бехмету небольшую калебасу – сосуд из выдолбленной тыквы с деревянной крышечкой.

Те, кто стояли поближе, удивленно вздохнули: столь ничтожный дар не осмелился бы поднести наследникам судьи и последний нищий.

– Э-та что же ты тут, э-та что же такое… – начал было Аюм. В его жидких глазках мелькнуло некое подобие гнева.

Бехмет поднял крышечку и сунул в калебасу свой длинный нос. Серое лицо старшего из братьев вдруг порозовело, нос жадно зашевелился, губы зачмокали. Когда он вновь взглянул на дарителя, в зрачках его метались непонятные искры.

Отдав тыкву слуге, Бехмет милостиво кивнул головой и, обращаясь к мужчине с желтой бородкой, важно изрек:

– Каждый подарок, поднесенный от чистого сердца, – отрада в нашем горе. Как звать тебя, уважаемый, и кто тот человек на земле возле фонтана?

– Мое имя Дарбар, – отвечал незнакомец, – а человек на земле – мой отец Ахбес.

– Я вижу, горе его велико. Твой отец знавал нашего?

– Отлично знавал, почтеннейший, можно сказать, они были друзьями. Разве господин Раббас никогда не рассказывал вам об Ахбесе из Аренджуна?

– Никогда, – встрял Аюм, подозрительно оглядывая желтобородого.

– Мы, действительно, ничего не слышали о твоем отце, – сказал Бехмет. – Но это не удивительно: судья имел много друзей и не всегда посвящал нас в свои дела.

– Увы! – горестно вскричал Дарбар. – Значит, вам ничего не известно о долге почтенного Раббаса моему родителю. Видно, такова воля богов, и ничего тут не поделаешь.

И, обернувшись в сторону все еще лежащего в пыли родителя, громко крикнул:

– Пойдем, отец, не будем мешать людям!

– Погоди, – растерянно сказал Бехмет, хотя желтобородый и не думал никуда уходить. – О каком долге ты говоришь?

– Да, о каком это долге ты тут нам заливаешь? – вякнул и младший брат.

– Если вам ничего не известно, – печально сказал Дарбар, – я не стану докучать своим делом. Тем более, когда отец ваш готов отправиться в последний путь.

Чиновники уже уместили носилки с телом судьи в черном паланкине. Жрецы достовали из холщевых сумок длинные витые свечи, готовясь сопровождать покойного на шамашан.

– Это какой-то прохвост, – шепнул Аюм на ухо брату, – пусть убирается.

– Ты забываешь, что я должен принять судейскую шапку по наследству, – тихо и раздраженно отвечал Бехмет, – что скажут люди, если я сейчас не решу это дело по справедливости?

– Люди ничего не скажут… – начал Аюм, но старший брат прервал его нетерпеливым жестом.

– Пусть подойдет твой отец, – обратился он к желтобородому, – и все нам расскажет.

Ахбес тут же вскочил с земли и, прихрамывая, побежал к крыльцу. Остановившись подле, он отвесил братьям глубокий поклон и, размазывая по грязным щекам обильные слезы, заговорил:

– Горе, какое горе постигло всех нас, несчастных! Какого достойного человека мы потеряли! Я потерял лучшего друга, а вместе с ним много денег, почти все, что у меня было…

– Не надо, отец, – скорбно вставил Дарбар.

– Нет, я скажу, раз почтенный Бехмет желает меня выслушать. Мы с почтенным Раббасом торговали, поставляли ему специи, хлопок и зерно. Он когда заплатит, когда нет – все на доверии. Уважаемый человек, судья… Думали, после сочтемся. Не довелось! За ним накопился долг, большой долг, и вот теперь я и мой сын разорены, как есть разорены!

И он снова залился слезами.

Народ, толпившийся во дворе, слушал, затаив дыхание. Козлиный судья, как и многие государственные мужи, помимо основных обязанностей умножал богатства свои торговлей, так что в речах неведомого Ахбеса не было ничего необычного.

Жрецы нетерпеливо поглядывали то на крыльцо, то на клонившееся к окаему солнце.

– А велик ли долг? – спросил Бехмет, что-то обдумывая.

– Не надо, отец, – снова сказал Дарбар.

– Двести тысяч, – сказал Ахбес, всхлипывая, – и еще одна маленькая шкатулка…

– Как же! – завопил тут Аюм, забыв о приличиях. – Двести тысяч! Может, тебе еще и верблюдов отдать?!

– Такие деньги должны быть записаны в книгах, – сказал старший брат, неприятно удивленный названной суммой.

– Я же говорил: ничего не получится, – горестно пробормотал желтобородый.

– В том-то все и дело! – воскликнул Ахбес. – Коли бы записано было, с чего бы мне плакать?! Мы верили друг другу на слово…

– Говорю, это жулики, – злобно прошипел Аюм.

– Тогда, увы, я бессилен помочь, – молвил Бехмет, решив наконец прислушаться к словам младшего брата, – мы не можем узнать, сколько в действительности вам причитается.

Ахбес бросился на колени.

– Прошу тебя, почтеннейший, не дай погибнуть моей семье! Ради нашей дружбы с твоим отцом! Есть одно средство восстановить истину. Мой сын…

– Только не это! – испуганно вскричал Дарбар и даже закрыл лицо руками. – Мы же договорились…

– А что мне остается? – ударил себя в грудь Ахбес. – По миру идти? Твой долг помочь семье, сынок, если, конечно, будет на то согласие почтенных Бехмета и Аюма.

– Чем же может помочь твой сын? – несколько растерянно спросил старший наследник Козлиного судьи.

– Он может спросить самого Раббаса. Если наше дело правое, мой друг не станет молчать.

Толпа удивленно загудела. Те, кто стоял поближе к крыльцу, попятились назад. Жрецы вытянули тонкие шеи и с любопытством уставились на Дарбара.

Желтобородый стоял, понурив голову. Весь его вид являл крайнее уныние и растерянность. Он укоризненно глянул на Ахбеса и заговорил, медленно подбирая слова:

– Я просил отца этого не делать… Только крайнее отчаяние толкнуло его открыть мою тайну. Видите ли, уважаемые, я несколько лет обучался в Стигии и постиг некоторые премудрости некромантии. Нет-нет, – воскликнул он поспешно, заметив страх на лицах братьев, – я вовсе не колдун! Не успел им стать: Митра уберег меня от пагубного пути, вселив раскаяние в мое сердце, и я бежал из страны чародеев. Но одно заклинание мне ведомо, хотя я и дал себе слово, никогда не прибегать к нему ибо магия затягивает так же, как пристрастие к некоторым зельям, хранимым иногда в калебасах…

Бехмет прервал его речь громким покашливанием.

– Стигийцы поклоняются Сету, – сказал он, – а Сет – это зло… Однако магия может служить и благой цели, если использовать ее осторожно, равно как и зелья, употребляемые в качестве лекарства…

– И которыми стигийские книжники охотно делятся со своими учениками, а те, в свою очередь, со страждущими, – вставил Дарбар.

– Но, – Бехмет настороженно глянул в сторону жрецов, – даже малые чары могут принести большую беду. Использование стигийских заклинаний не слишком угодно Митре…

– Золотые слова! – горячо поддержал Дарбар. – Если служители Всеблагого не одобрять чародейства, камень спадет с души моей и с радостью в сердце отправимся мы с отцом просить подаяние!

Ахбес снова всхлипнул и пустил слезу.

Братья сошли с крыльца и в сопровождении желтобородого ученика стигийских магов и его заплаканного родителя направились к жрецам. По дороге Аюм негромко высказал брату свои поздравления, так как был уверен, что служители Подателя Жизни ни за что не согласятся ни на какую волшбу, да еще в доме покойного судьи. Таким образом Бехмету удастся и справедливость явить, и деньги будут целы. Бехмет только отмахнулся.

– Слышал ли ты, отец мой, слова этого человека? – спросил он у старшего жреца, носившего длинную бороду и седые букли.

– Я слышал, – отвечал жрец.

– Если бы речь не шла о восстановлении истины, столь необходимой в этом запутанном случае, я бы и слушать не стал ничего о ворожбе. Но эти люди находятся в тяжелом положении. Если они говорят правду, и наш покойный родитель задолжал им деньги, наш долг – помочь несчастным.

Он говорил громко, чтобы слышали все собравшиеся во дворе.

– Что скажешь на это, о просветленный служитель Митры?

– Скажу, что ты прав. Магию можно использовать для благого дела.

Аюм изумленно хрюкнул. Народ зашумел. На лице Бехмета неожиданно отразилась нескрываемая радость.

– Надо ли понимать твои слова как одобрение… э-э… необходимых в таком случае действий?

– Именно, – сказал жрец.

– Что ж, – молвил наследник судьи, обернувшись к народу, – вы слышали, люди? Во имя высшей справедливости Митра дозволяет потревожить вечный сон покойного!

– Истинно так! Слава новому судье! – раздались крики. Самые усердные принялись кидать шапки, выражая полное восхищение самоотверженному решению Бехмета.

Аюм, выпучив глаза, хватал ртом воздух.

– Когда ты сможешь приступить к делу? – спросил старший брат Дарбара.

– Здесь есть одно затруднение, – отвечал желтобородый, – мое заклинание должно быть произнесено в час третьей свечи в месте, где мертвецу предстоит обрести вечный покой. То есть, на шамашане.

Какая-то женщина испуганно вскрикнула. Аюм судорожно тер шею, словно ее душила невидимая веревка.

– В час третьей свечи? – растерянно переспросил Бехмет. – Но отца должны сжечь на закате…

– В крайнем случае дозволяется сжигать на восходе, – сказал жрец.

– Но не станем же мы сидеть в темноте на кладбище, ожидая нужного времени! – запротестовал Бехмет. – Всем известно, что с заходом солнца там появляется разная нечисть, а иногда и воры…

– В этом нет нужды, – сказал Дарбар, – вы можете прийти к началу действия, оставив фонари за воротами, так как на шамашане дозволено разводить лишь огонь, сжигающий покойников. Луна достаточна яркая, чтобы видеть лицо Раббаса, а слушать можно и в полумраке.

Тут Аюм справился наконец с удушьем и зашипел, как рассерженная змея:

– Не думаешь ли ты, аренджунец, что мы оставим нашего отца под твоим присмотром? Я не хочу, чтобы у него к утру исчезли золотые зубы и кольца!

– Ну так пошлите своего человека, – равнодушно пожал плечами желтобородый.

– Никто не согласится, даже под страхом жестокого наказания, – сказал Бехмет, поеживаясь. – Шамашан – место жуткое… Любой сбежит, как только мы уйдем.

– Тогда наймите какого-нибудь храброго парня с тяжелым мечом, из тех, кто любит деньги и не боится призраков. Кстати, я не откажусь от подобного телохранителя: нечисть мне не страшна, но, как видите, при мне нет оружия, и встречаться с кладбищенскими ворами совсем не хочется. А чтобы зубы и кольца почтенного Раббаса были целы, посулите добровольцу сумму, большую, чем их стоимость. Готов внести половину, если мы с отцом получим долг.

Бехмет немного подумал, потом важно кивнул головой.

– В твоих словах есть разумное зерно, – молвил он, оглядывая толпу, – вот только где найти храбреца…

Кумовья Кариб и Ассарх, стоявшие неподалеку, переглянулись. Они хорошо

представляли, сколько стоят зубы и кольца Козлиного судьи. Но жуткие истории о ночном кладбище во множестве ходившие из уст в уста, делали ноги ватными и вызывали в желудках неприятное коловращение. Кумовья разом тяжело вздохнули и повесили головы.

Тут кто-то толкнул их в спины, и вперед выступил молодой здоровяк в одежде северянина.

– Сколько? – спросил он, пристально глядя на Бехмета синими немигающими глазами.

– Ты согласен сторожить тело?

– Сколько? – повторил незнакомец.

– Пятьсот монет.

Человек молча повернулся и пошел к воротам.

– Тебе что, мало? – завопил Аюм ему в спину.

Северянин продолжал идти к выходу.

– Тысяча золотых! – крикнул Бехмет.

Чужестранец развернулся и все так же храня молчание пошел обратно. Приблизившись, он скрестил на груди мощные руки и уставился на братьев.

– Вижу, ты храбрый юноша, – сказал старший, – откуда ты и как тебя звать?

– Зови меня Пуго, – отвечал северянин, – я из холодной страны.

– Пуго так Пуго, – кивнул Бехмет, – хотя, сдается мне, тебя зовут по-другому. Не важно. У тебя за спиной добрый меч, а в глазах нет страха. Исполни службу, и я щедро награжу тебя.

– Ты сказал – тысяча.

– Мое слово – закон! А сейчас предоставим жрецам делать их дело.

Жрецы были готовы. Витые свечи занялись бледным огнем, плакальщицы заголосили, и толпа потянулась вслед за черным паланкином в сторону шамашана.

5. Трусливый покойник

Скорбное место находилось на голом холме, куда от предместья вела узкая каменистая дорога. Вдоль дороги стояли невысокие каменные столбики с деревянными ящиками, в которые через узкие щели участники похоронных процессий опускали золотые, серебряные и медные монеты. Деньги шли жрецам; чем больше их было, тем пышнее и длительнее вершились заупокойные службы в Храме Митры. Чтобы подаяние не стало добычей воров, вдоль дороги разъезжал вооруженный отряд под командой свирепого сотника; впрочем, это не спа ало ящики от разграбления и, тем более, мелкого жульничества: многие, делая вид, что опускают деньги, норовили бросить в дарительницы оловянные пуговицы, щепки и мелкие камешки.

Впереди процессии шли плакальщицы в изрядно попорченных уже париках, с лицами, густо измазанными кармином. Шатаясь, как пьяные, они голосили на разные лады, посыпали головы дорожной пылью и весьма искусно делали вид, что рвут на себе одежды.

Далее шествовали жрецы, державшие свои свечи. Служители Митры хранили на лицах невозмутимую значительность; их тонки шеи гордо торчали из широких вырезов шафрановых хитонов.

За ними следовали представители властей в черном. Главный чиновник торжественно нес на вышитой подушке высокую желтую шапку, отороченную мехом ягуара – символ судейского чина.

Паланкин с телом покойного несли два десятка дюжих слуг, одетых по торжественному поводу в чистые белые куртки и холщевые штаны с завязками под коленями. Неутешные братья и другие домочадцы умершего шли позади паланкина.

По пятам за родственниками вышагивали сорок музыкантов в зеленых одеждах с медными рогами и большими барабанами. Временами они принимались извлекать из своих инструментов душераздирающие звуки, и тогда вороны, кружившие над головами толпы, отвечали дружным испуганным карканьем.

За музыкантами топал отряд стражников, присланных светлейшим Эдартом в качестве почетного караула. Стражники шагали не в ногу, не слишком скрывая скуку; длинные копья покачивались на их плечах, как тростниковые заросли в ветреную погоду, в круглых щитах поблескивали последние сполохи солнца.

А за отрядом пестрой лентой текла по дороге тысячная толпа. Персоны познатнее да побогаче – купцы, менялы, лавочники и старосты торговых рядов – шли первыми в окружении своих слуг и приживальщиков, дальше – прочий разношерстный люд, включая нищих и карманников, для которых подобные события были самыми желанными и прибыльными. Вдоль дороги шныряли голоногие мальчишки, внимательно выглядывая, не обронит ли кто монетку возле дарственных ящиков.

В Северном предместье остались в эту пору только женщины, старики да больные, и немало добра перекочевало из комнат и кладовок в мешки ушлых воров, благословлявших Нергала за то, что повелитель Серых Равнин призвал к себе наконец Козлиного судью.

Поднявшись на холм, траурная процессия миновала высокие ворота и оказалась в ограде шамашана.

На этом печальном месте стояло множество невысоких каменных платформ? Погрибальных алтарей, на коих творилось таинство переселение душ на Серые Равнины.

Некоторые из них помещались под каменными же крышами на витых столбах, другие были открыты небу. На каждом возвышении темнели кучки золы. Их удлиненные формы и то, что среди серого праха кое-где белели рассыпающиеся кости, говорило о скорбном назначении грубо отесанных алтарей.

Народ запрудил ограду. Все застыли с молитвенно сложенными на груди руками. Умолкли плакальщицы и музыканты. Стражники окружили пустующую платформу, самую большую, украшенную цветами и жимолостью, и замерли, прижав копья к левому боку. Сотник обнажил кривую саблю и взял ее перед собой, сурово поглядывая по сторонам, словно собирался отрубить кому-то голову.

Слуги извлекли из паланкина носилки с телом и понесли на плечах к погребальному алтарю. Когда носилки опустились на возвышение, они разом закрыли лица ладонями и удалились в полном молчании.

Жрецы поставили четыре огромных свечи по углам алтаря и взялись за концы длинных шелковых полос, подложенных под тело судьи Раббаса. Они подняли тело, читая негромко заупокойную молитву, а братья извлекли носилки и отставили их в сторону. Теперь Козлиный судья опустился на то место, откуда ему суждено было отправиться прямиком на свидание с владыкой Серых Равнин.

Однако свидание по известным причинам отложили до первых утренних лучей. Старший жрец окунул кисточку из конских волос в чашу со освященной водой, принесенную из храма Митры, окропил мертвеца, потом возложил на лоб покойного деревянную фигурку, смоченную в той же воде, после чего все присутствующие хором пропели несколько напутственных слов (путешествие на Серые Равнины – дело серьезное и не безопасное), после чего толпа потянулась к выходу. Многие отправились домой в предвкушении завтрашнего зрелищ, которое повторялось на шамашане всякий раз, когда умирал кто-нибудь из именитых жителей предместья: жрецы резали петухов, гадали по каплям крови и внутренностям о будущем, а потом старший сын покойного поджигал собственной рукой погребальный костер.

Жертвенных птиц оставили в клетках возле алтаря. Петухи спокойно чистили перья, не ведая о своей печальной участи. Братья трижды обошли возвышение, в пояс поклонились телу и остались наедине с учеником стигийких магов и его хромоногим родителем.

– Спокойно отправляйтесь домой и зажигайте свечи, – сказал им Дарбар. – Когда третья сгорит до половины, возвращайтесь сюда и мы совершим таинство. Не забудьте о свидетелях.

– Что-то не нравится мне все это, – сказал подозрительный Аюм, – кто его знает, что ты станешь делать в наше отсутствие…

– Ты ошибаешься, уважаемый, если думаешь, что я буду сидеть здесь в темноте, – спокойно отвечал желтобородый, – для этого вы наняли северянина. Мы же с отцом отправимся к нашим верблюдам и вернемся на шамашан в назначенное время.

– У меня есть другое предложение, – сказал Бехмет, – я хочу пригласить вас в наш дом. Думаю, у нас найдется о чем поговорить.

Он выразительно взглянул на Дарбара, и тот едва заметно кивнул. Аюм напыжился, но ничего не сказал, рассудив, что лучше держать подозрительного незнакомца на глазах, как это ни неприятно.

С тем они и удалились. Напоследок Бехмет напомнил нанятому стражу о зубах и кольцах покойного. Северянин лишь выразительно дотронулся до рукояти своего меча.

Он проводил всех до ворот и вернулся к алтарю. Солнце уже зашло, сумерки быстро

окутывали землю. С вершины холма хорошо виднелась дорога с цепочками неясных огней: люди, возвращавшиеся в предместье, зажигали масляные фонари.

Северянин обошел ограду и, убедившись в отсутствии лишних глаз, подошел к плоскому камню, хранившему еще темное пятно, оставшееся от тела какого-то безвестного бедняка. Еще раз оглянувшись, стукнул по камню кулаком.

В недрах земли раздался невнятный стон.

– Покойник, – позвал страж, – явись!

Он ухватился за край плиты и без особых усилий ее приподнял.

Под плитой оказалась неглубокая яма, устланная сухой травой. В яме лежал щуплый человечек с длинным носом и аккуратной бородкой, очень похожими на нос и бороду почившего Раббаса.

– Я чуть не задохнулся! – сердито сказал он и полез наружу.

– Если бы ты сдох, Ловкач, – задумчиво молвил северянин, – у нас было бы два мертвеца. Тот-то удивился бы Нергал, увидев две одинаковые рожи!

Ловкач Ши возмущенно засопел, отряхивая прилипшую солому.

– Зря так говоришь, – проворчал он, – не следует шутить над покойниками.

– Они моих слов не слышат, – отвечал киммериец, сплевывая. – Ладно, не будем терять время. Теперь, когда ты нагрел нору, перенесем в нее почтенного Раббаса.

Когда тело Козлиного судьи оказалось в яме, Конан водрузил плоский камень на место. Ши суетился рядом, то и дело ощупывая наклеенный нос и накладную бороду.

– Смотри, оторвешь, – одернул его приятель, – отправляйся-ка лучше на свое шикарное ложе, покойничек, да запасись терпением: Чилли с братьями вернется не скоро.

– Не пойму я, зачем мне сейчас-то лезть на алтарь? – Ловкач нервно потер ручки. – Жестко там, да и страшно… Как подумаешь, что на камне людей сжигают, так по спине тараканы бегают. Давай лучше посидим рядышком, киммериец, пожуем чего-нибудь, поболтаем… Ты ведь сушеного мясца прихватил? Вот его и пожуем. И винцом запьем из твоей фляжки…

Конан хлопнул оробевшего приятеля по плечу.

– Мертвые не пьют, крысеныш! Хорошенькое дело: станет Раббас вещать, а от него вином разит. Ты что же думаешь, на Серых Равнинах первым делом чарку подносят? Да не трясись ты так, нос отвалится! Лучше вспомни о своей доле звонких монет и думай, как тебе повезло. Мыслю я, многие согласились бы набить кошелек, всего лишь полежав ночку на свежем воздухе. И ложись не медля: Чилли верно сказал, Аюм этот похитрее братца будет и может послать кого-нибудь проведать своего родителя.

– Да не пойдет никто сюда ночью, – робко возразил Ши, но полез на украшенный мертвыми цветами камень.

Конан тщательно накрыл вздрагивающего коротышку ветками жимолости, положил ему на лоб деревянную фигурку, а на глаза – круглые медальоны.

– Это еще зачем, – тоненько заскулил Ловкач, – не вижу я ничего…

– Да тебе и не надо, – хохотнул киммериец, – я твои глаза и твои уши.

Он уселся рядом с алтарем, достал из сумки ломти вяленого мяса, откупорил флягу с вином и приготовился коротать время.

Время пришлось коротать под неумолчное бормотание Шелама. Стараясь заглушить мучивший его страх, Ловкач болтал о чем ни попадя. Он рассказал Конану где именно в Аренджуне выгоднее покупать горшки и медные светильники, чем отличается чеканка от

просечки и почему нельзя держать вареные бобы в золотой посуде.

– На золотых блюдах можно лишь подавать кушанья, но не хранить их, – болтал Ши, – особенно чечевицу, бобы, горох и маниоку. Потому среди богачей так много страдающих желудком, а бедняки на сей недуг не жалуются.

– А я думал, потому, что животы пустые, – хмыкнул варвар, терзая крепкими зубами сушеное мясо.

Шелам только сглотнул слюну и принялся рассказывать о прекрасной незнакомке, которая опустошила его лавку и умыкнула одежду.

Эта история весьма развеселила Конана.

– Поделом дурню, – сказал он, прихлебывая вино из фляги, – сам подумай: какой из тебя любовник? В следующий раз, когда почувствуешь зуд между ног, просто покупай женщину.

Ши обиженно помолчал, потом сказал печально и тихо:

– Холодное у тебя сердце, киммериец. Нет для тебя ничего святого. Варвар ты.

– Только сейчас узнал?

– И не чем тут гордиться, – ровно продолжал Ловкач. – Знаешь, что сказал Шейх Чилли? Он сказал: драться умеют и петухи, а попугаи и вороны еще и разговаривают.

Стало тихо, только гудел ветер между столбами, державшими каменную крышу погребального алтаря.

– Что-то я не понял, – недобро произнес наконец Конан, – о петухах…

– Куда тебя, – откликнулся Шелам фальцетом, – сидишь тут, мясо жрешь… Да таких, как ты, мы с Шейхом дюжину набрать могли. Эка невидаль: кулаки здоровые, да меч за плечами!

Здоровые кулаки варвара тут же зачесались, но, памятуя о возможных соглядатаях, могущих подглядывать из-за ворот, он сдержал свое естественное желание пересчитать мнимому покойнику зубы и ответил, не повышая голоса:

– Конечно, вы умники. Один заморыш, ткни – развалится, другой грамотея из себя корчит, а простой тесак в руки взять боится. Нет, вы не петухи. Курицы вы бесхвостые. Плевки сопливые. Дерьмо нергалье. Сейчас брошу тебя одного, так ты со страха обгадишься…

– Ну и вали! – взвизгнул коротышка, приподнимаясь на локте. – Без диких обойдемся!

Медальоны упали с его глаз, и Ши увидел оскаленные зубы варвара возле своего фальшивого носа. Он действительно чуть было не наделал в штаны, решив, что Конан хочет его прикончить, но киммериец лишь зажал ему рот своей крепкой ладонью и пригнул голову обратно к алтарю.

– Тихо, – прошипел он в ухо приятелю, – лежи и не двигайся, несет кого-то…

Со стороны ворот, действительно, слышалась тихая возня. Створки заскрипели, открываясь, и несколько фигур в темных накидках появились внутри ограды. Киммериец ужом скользнул за соседний камень и затаился. Шелам лежал ни жив, ни мертв, мысленно вознося хвалу предусмотрительному Чилли, заставившему его прочистить желудок накануне предприятия.

Фигуры приблизились. Слышно было, как под накидками негромко бряцает сталь.

– Гляньте, братцы, покойник! – раздался гнусавый голос. – Я как сердцем чуял.

– В Северном предместье, слыхать, судья помер, – откликнулся другой с туранским акцентом. – Может, он это?

– Мертвецов на закате сжигают, – удивился третий, тоненький. – С чего бы судью на шамашане на ночь бросили, а, Ахбар?

– Такое бывает, – разъяснил гнусавый Ахбар, – если жрецы решат, что костер надо палить утром. Барану кишки вытащат и смотрят: на закате покойничка сжечь или на восходе. Всему, как говорится, свое время.

– Если это судья, его должны охранять, – сказал туранец, – а у ворот стражи не было.

– Его духи охраняют, – хохотнул Ахбар, – глупцы в то верят, потому и нет сторожей. А если и есть, так мы им покажем кое-что пострашнее видений бесплотных. Так что ли, братцы?

Братцы согласно загудели и помахали для храбрости кинжалами. Потом туранец предложил обшарить покойника.

– У него должны быть драгоценности и золото во рту, – сказал и направился к алтарю. Он уже протянул руку к лицу обмершего со страха Шелама, как вдруг сморщился и помахал перед собой ладонью.

– Фу-у! Воняет… Видать, уже разлагаться начал.

– Не трогай, – сказал Ахбар, – мне пришла мысль получше. Если это судья, в его доме сейчас справляют поминки. Раз его сюда принесли, значить родственники с мертвым простились, а по всем обычаям после этого надо выпить. Ну, сами хозяева, может быть, особо наливаться не станут, все же утром им сюда возвращаться, но слуги и сторожа налакаются точно. Пока наследники будут придаваться горю, заберемся в их закрома и набьем мешки.

Снова в лунном свете блеснули лезвия ножей и раздались возгласы одобрения.

– На обратном пути заглянем сюда опять, тогда и посмотрим, что припас нам судья, – заключил вожак. – А сейчас по древнему обычаю принесем мертвецу свои обеты, чтобы предприятие наше увенчалось успехом.

– Какие еще обеты? – спросил обладатель тонкого голоска.

– Кривой прав, – сказал туранец, – если перед делом пообещать что-нибудь мертвецу, удача, считай, в кармане. Клянусь задницей Бела, если мне повезет, я выбью почтенному судье все зубы и унесу их с собой на память!

– А я заберу все кольца, – подхватил тонкий, – иначе не видеть мне солнца и не ласкать женщины!

Ахбар поклялся единственным глазом, что разденет судью догола и отдаст его платье нищим.

Так как все ценности были уже поделены, остальным разбойникам осталось принести обеты дважды лягнуть покойника в голову, отрезать ему пальцы и пересчитать ребра. С тем они и удалились, гогоча и похлопывая друг дружку по спинам, очень довольные, что Ахбар уговорил их завернуть на шамашан. Умный у них все же вожак, хоть и сволочь.

Когда смех разбойников стих за оградой, киммериец выбрался из своего укрытия и валкой походочкой приблизился к алтарю. Ши лежал безмолвно и недвижно, задрав к звездам синий нос и бороду из конских волос.

– Не помер, крысеныш? – позвал варвар.

Губы Ловкача разлепились, изо рта вырвался едва слышный свист.

– Да ты и вправду воняешь! – Конан зажал одну ноздрю пальцем и скривился.

– Ты… ты… – забормотал Ловкач, – меня… бросил…

– Сам говорил – убирайся. Обгадился, храбрец?

– Нет, спасибо Шейху… Но газы все вышли. Ты хотел, чтобы меня убили?

– Хотел послушать, что скажет Кривой Ахбар. Я знаю этого ублюдка. Он из ЭрШуххры,

и молодцы его, видать, оттуда же…

– Но ты должен меня охранять!

– Ничего я не должен. Пусть тебя петухи охраняют. Или вороны, которые разговаривают.

– Прости, Конан! – взмолился тут Шелам, содрогаясь всем телом и снова роняя с глаз залитые воском и медом лепешки. – Со страху я лишнего наболтал… Не покидай меня, о тигр отваги и скала доблести, не дай проклятым разбойникам выбить мне зубы и отрезать пальцы!

– Ладно, не скули, – киммериец сменил наконец гнев на милость, – зубы у тебя гнилые, никто на них не позарится. А вот нам кое-что перепасть может. Думаю, Ахбар со своими шакалами вернется не с пустыми мешками. Вот тогда и поговорим.

И варвар снова уселся возле траурного алтаря и взялся за опустевшую на половину фляжку.

6. Стигийская магия

Страшные дела творятся ночью на погостах, это все знают. Возле костров на привалах, в душных караван-сараях и в уютном тепле домашнего очага, рассказчики пугают друг друга ледянящими кровь историями об оживших мертвецах, безголовых призраках и съеденных младенцах. И клянутся в их подлинности Белом, Деркэто, Эрликом и его пророком Таримом, Птеором, Аштерехом или Ястрибиным богом, – в зависимосте от того, под небом какой страны звучат эти рассказы – и вздрагивают потом во сне от жутких кашмаров, и вс акивают, и пьют вино, раку или настой перечной лианы, чтобы забыться, чтобы отпустило страшное…

Кумовья Кариб и Ассарх немало наслушались подобных историй, так что еще вчера никто из них и мысли бы не допустил отправиться ночью на шамашан. Однако, когда наследники судьи стали скликать в свидетели желающих присутствовать на таинстве, обещенном учеником стигийских магов, в душах почтенных торговцев началось настоящее ристалище: страх сощелся с любопытством и трезвым расчетом. Страх в конце концов уступил, хотя и затаился где-то в темных глубинах сознания, готовый вырваться на ружу при первом удо ном случае. И одолело его даже не столько любопытство, сколько расчет: кумовья смекнули, что те, кто окажется рядом с братьями в столь ответственный момент, смогут расчитывать на особое благоволение нового судьи.

В тайне Кариб и Ассарх ожидали, что Бехмет щедрыми посулами заставит свидетелей услышать то, что ему выгодно, но старший брат хранил молчание и как-то очень уж любовно поглядывал на таинственного Дарбара, с которым провел некоторое время в отдельной комнате, пока иные угощались за счет братьев вареным рисом с изюмом и аренджунским вином. Угощались славно, поминая почтенного Раббаса и желая его душе легкого полета на Серые Равнины.

Когда занялась третья свеча, желтобородый объявил, что время пришло, и наследники покойного в сопровождении слуг, десятка стражников и дюжины свидетелей отправились по лунной дороге на погребальный холм. Шли в молчании, освещая путь масляными фонарями: не смотря на щедрые возлияния, гнетушее чувство владело всеми.

Северянин встретил процессию возле ворот. На вопрос Бехмета все ли в порядке, он молча кивнул головой и повел пришедших к алтарю. Длинный синий нос Козлиного судьи блестел в лунном свете, как ледяной торос в пустынях Ванахейма.

Дарбар расставил людей полукругом шагах в двадцати от алтаря, потом достал из принесенного слугами сундука четыре медные курительницы и разместил их по углам возвышения. Извлек и надел черный плащь с кровавой подкладкой и высоким воротником, на голову – темную корону с семью зелеными камешками. Потом вынул из сумки небольшую коробочку и стал сыпать на землю какой-то светящийся порошок, очерчивая им круг возле своих ног. Покончив с этим занятием, желтобородый взял в руки книгу в сафьяновом переплете застыл, подняв глаза к звездному небу.

Ветер трепал султаны на шлемах стражников, нес по шамашану легкую пыль, сверкавшую в лучах луны тысячами холодных искр.

– Чего он ждет? – шепнул Ассарх на ухо куму, потея от страха.

– Светила наблюдает, – так же тихо отвечал Кариб, чувствуя, как холодные струйки бегут по занемевшей спине. – Знака ждет…

Где-то далеко в степи протяжно закричала неведомая птица.

Тотчас что-то пыхнуло в курительницах, из многочисленных отверстий в медных стенкам повалил бледный дым. Дарбар раскрыл книгу, пристально вглядываясь в пергаментные страницы.

– Дамбаллах! – возгласил он громовым голосом, заставившим людей вздрогнуть и невольно попятиться. – Иссмакариоль! Пта схру паттеш!

Дым шел все гуще, зеленоватые клубы столбом поднимались вверх, к каменной крыше алтаря и, обогнув навес, призрачными змеиными кольцами возносился к ясному ночному небу. Заволновались жертвенные петухи в клетках, захлопали крыльями, заскребли коготками…

– Сеттамантхара ой бастарргазан!

Что-то затрещало позади алтаря, и сонм ярких сполохов метнулся во все стороны. Толпа шарахнулась. Некоторые попадали, запутавшись в полах халатов, стражники судорожно ухватились за рукояти сабель.

– Всемогущий Отец Тьмы, кто предписал всем созданиям молиться Тебе и воздавать славу, – громко, нараспев заголосил желтобородый, – молю Тебя послать мне душу этого человека, чтобы он возгласил мне охотно, верно и с готовностью то, что я у него испрошу… Hagio o Theos Iscyra Athata Paracleta!

Жуткий вой донесся вдруг откуда-то из-за спин толпы. Дарбар вздрогнул и чуть не выронил книгу. Он оглянулся, ища источник звука, и, если бы кто оказался в этот момент рядом, то смог бы заметить в его глазах страх.

Впрочем, желтобородый быстро взял себя в руки и продолжил чародейское действо.

Он произнес еще несколько невнятных слов, и в клубах дыма на алтаре заворочалась какая-то тень.

– Пришел ли ты? – вопросил ученик стигийских магов.

Тень дернулась, порыв ветра отнес в сторону дымные кольца, и все увидели, что Козлиный судья сидит на своем каменном ложе.

– Я пришел, – раздался тоненький озябший голос, – кхе-кхе… спрашивай!

Кумовья Кариб и Ассарх стояли, тесно прижавшись друг к другу и дрожа так, что их тюрбаны съехали до самых глаз.

– Восстал, – прошептал Ассарх непослушными губами, – и кашляет…

– Мороз там, мороз, – забормотал Кариб, тиская непослушными пальцами амулет на груди, – холодно, сказывают, на Серых Равнинах…

– Ответь нам, почтенный Раббас, – выкрикнул желтобородый, поднимая над головой книгу, – пред лецом детей твоих…

Он оглянулся и поманил рукой братьев. Те вышли вперед на подгибающихся ногах. Аюм опять тер шею, всхрипывая, как раненый поросенок.

– Правда ли, что ты должен деньги другу твоему Ахбесу из аренджуна? Если правда, то сколько должен?

С алатаря снова донеслось перханье, потом тонкий голос ответил:

– Правда, о вопрошающий! Я столько им задолжал, что и сам со счету сбился.

– Скажи, отец, какая сумма причитается почтенному Ахбесу? – просипел Бехмет, вглядываясь слезящимися глазами в неясную тень под навесом.

– Молчи, – грозно оборвал его желтобородый, – он тебя не слышит! Говорю я, вы – внемлете! Именем Дамбаллаха великого и ужасного заклинаю тебя, явившийся по воле Темного бога, сколько ты должен?!

– Двести тысяч, – последовал внятный ответ.

Дарбар немного подождал, но тень молчала.

– Это все? – вопросил желтобородый. – Говори! Говори!

– Я же и говорю… – покойник снова заперхал. – Куча золота… Ах, да, еще маленькая шкатулка из атлайского ореха! На ней вырезана змея, а внутри – серенький такой камешек…

– Вы слышали? – обернулся Дарбар к братьем.

– Слышали… – едва слышно отвечал Бехмет. Аюм молча кивнул и отвернулся.

Дым от алтаря полосами стелился по земле, протягивая к толпе зеленоватые щупальца, заставляя людей пятиться и шептать молитвы. Многие были уже не рады, что дали уговорит себя присутствовать при столь жутком зрелище и прикидывали, сколько монет следует возложить на алтарь Митры, чтобы Светлый Бог простил им невольное участие в чародействе.

– Я дозволяю тебе удалиться! – Дарбар снова раскрыл свою книгу и, заглянув в нее, прочел: «Oragiel Postum Salamla!»

Рев за спинами толпы повторился, на этот раз более слабый, словно затухающий. И снова вздрогнул и растерянно обернулся ученик магов, и широко раскрыл глаза, заметив растаявшее в темном воздухе бледное пятно… Впрочем, остальным присутствующим было не до того: люди в ужасе закрыли руками лица, когда из-за алтаря с грохотом ударили снопы белых искр.

В курильницах защелкало, дым изменил цвет, став нежно-розовым, тень на возвышении на миг исчезала, а когда клубы рассеялись, тело Раббаса снова неподвижно лежало на каменном возвышении.

Дарбар извлек из рукава небольшой жезл с кисточкой на конце, старательно смел в кучку светящееся вещество, образующее круг, собрал и ссыпал в коробочку. После чего подошел к братьям, поклонился и объявил, что церемония закончена. – Не желаете ли подойти к телу и убедиться в его полной сохранности? – спросил он так, как будто предлагал покупателям в лавке пощупать штуку доброй материи.

– Нет! – испуганно воскликнули братья, а старший добавил: – Мы придем утром, чтобы исполнить последний долг и зажечь погребальный костер. Сейчас же поспешим назад, дабы вознести молитвы в домашней кумирне.

Зубы у Бехмета постукивали. Мысленно он уже был в своей теплой комнате в окружении слуг и телохранителей.

– Ты прав, уважаемый, – отвечал Дарбар, снова поклонившись, – не следует пренебрегать обычаями и оставлять на поминальном столе недоеденное и недопитое.

Он собрал куритильницы в сундук, снял плащ и корону и сделал знак носильщикам следовать вперед. В полном молчании толпа потекла к воротам. Вскоре над шамашаном воцарилась тишина, нарушаемая лишь недовольным квохтанием жертвенных птиц да шумом ветра среди каменных обелисков.

7. Конец Кривого Ахбара

Кривой Ахбар и его люди возвращались из предместья прямиком через степь, сгибаясь под тяжестью увесистых мешков. Вожак оказался прав: обеты, принесенные мертвецу, помогли ворам довольно легко проникнуть в дом судьи и славно поживиться в его кладовых. Такое объяснение редкой удачи казалось шуххрийцам вполне достаточным; они проникли в Северное предместье окольной тропой и не встретили процессию, двигавшуюся на шамашан по главной дороге. Если же быть точным, везение их объяснялось не столько клятвами, данными покойнику, сколько отсутствием должной охраны: мужчины ушли вместе с братьями, женщины тихо сидели на своей половине, а слуги пьянствовали, радуясь, что за отсутствием господ не надо больше изображать тяжкую скорбь по безвременно скончавшемуся судье.

Слуги были спокойны: среди шадизарских воров бытовал обычай не грабить дом умершего, пока его тело не сожжено. Однако в Эр-Шуххре плевали и на писанные законы, и, уж тем более, на неписанные.

Первым шагал здоровый краснорожий туранец. Свою добычу он завернул в бархатную портьеру, сорванную в спальне Козлиного суди, и сейчас то и дело похлопывал снизу лежавший на спине тюк свободной рукой, вызывая этими хлопками приятное побрякивание и легкий звон благословенного металла. Туранец вспоминал, что на шамашане его ожидают зубы судьи и тихонько посмеивался.

Он глянул в сторону темневшего на фоне лунного неба холма и… застыл, выпучив глаза.

Над погостом поднимался столб дыма.

Шедший позади вор ткнулся лбом в спину краснорожего и выругался, потом удивленно присвистнул, тоже заметив дым.

– Погляди, Ахбар, – обернулся туранец к вожаку, – не иначе покойничка нашего сжигают!

Кривой Ахбар опустил мешок и нацелился на холм единственным глазом.

В это время со стороны шамашана донесся жуткий, леденящий душу вой. Воры разом присели, втянув голову в плечи и судорожно сжимая рукоятки ножей.

– Что это? – едва выдохнул молодой шуххриец, обладатель тонкого голоска. – Матерью клянусь, так выть может только нечисть!

Ахбар покачал головой, что-то обдумывая.

– Не знаю, что это за дым, – сказал он, – а только мертвецов никогда не сжигают ночью.

Воры гуськом двинулись дальше. Не успели они сделать и три сотни шагов, как с холма снова долетел протяжный, замирающий вопль.

Молодой охнул и выронил мешок. Туранец забормотал какую-то молитву на своем языке; все остановились в нерешительности, поглядывая на Ахбара.

– Что-то расхотелось мне туда идти, – сказал кто-то, – Нергал с ними, с обетами…

– В животе у меня забурлило, братцы, – пожаловался тонкоголосый.

– И то сказать, чего мы там забыли, – пробурчал туранец, целуя нательную ладанку. – Золото в мешках, так надо уносить ноги побыстрее…

Однако Кривой Ахбар был не из робкого десятка. Он промышлял воровским ремеслом не первый год, и успел понять, что удача сопутствует лишь тем, кто сует свой нос во все щели, особенно если оттуда тянет чем-нибудь зловещим, что отпугивает толстобрюхих

лавочников, трусливую стражу и прочих добропорядочных остолопов. Не одна разрытая могила была на счету одноглазого, не один шамашан он почистил, выгребая из золы расплавленные остатки дорогих украшений, и не было в душе его трепета, когда отпетый негодяй роникал в кумирни темных божков где-нибудь в Бритунии или Пограничном королевстве. Ахбар страшился лишь Сета, великого Змея Вечной Ночи, остальные мелкие божества, коим поклонялись не сподобившиеся света Митры племена и народы, были для него лишь кусками дерева или не слишком опасной нечистью, против которой имелись нужные амулеты и заговоры.

Переждав в кустах, пока возвращавшаяся с погоста процессия пройдет мимо по дороге, вожак пинками погнал своих людей в сторону холма. К этим веским аргументам он присовокупил увещевания и ссылки на возможную месть темных сил, обиженных несоблюдением клятв и обычаев.

– Сами помыслите, – говорил он, толкая «братцев» пониже обтянутых грязными халатами спин, – чего нам опасаться? Сыновья, видимо, совершили над покойным какой-то обряд, может быть даже принесли дары неведомым богам, которым судья в тайне поклонялся. Такое бывает. Так не следует ли пойти и удостовериться во всем своими глазами? Подношения могут оказаться весьма ценными. Силам тьмы они ни к чему, а нам в пору. Пока братья подсчитывают убытки в своем доме, мы пошерстим их папашу!

Доводы возымели действие, и шуххрийцы, приободренные заманчивыми речами, резво взбежали на холм и открыли ворота.

В ограде шамашана было тихо.

Воры крадучись направились к убранному цветами алтарю. Тело оказалось на месте, однако никаких даров не было.

– Проклятые скупцы! – воскликнул Ахбар. – Не могли расщедриться на что-нибудь поценнее жимолости и медовых лепешек! Разве так надо почитать родителей?!

Туранец бросил мешок и решительно шагнул под навес.

– Я обещал посчитать ему зубы, – сказал он, протягивая к лицу покойника руку, – и я исполню клятву. Ну и нюхалка у этого законника!

Краснорожий ухватил мертвеца за нос, слегка потянул… И тут же завопил: страшный носище отделился от бледного лица и остался у него между пальцев. Туранец отшатнулся, стукнулся спиной о каменный столб и, указывая на алтарь, возопил:

– О боги! Он смотрит, смотрит!..

Воры отпрянули. Ахбар же не растерялся: он подскочил к туранцу и схватив предмет, который тот сжимал в руку, поднес его к глазам.

– Он не настоящий! – заорал вожак. – Судью подменили!

Крик ужаса раздался у него за спиной.

– Встает… – просипел туранец и заскользил спиной по столбу, опускаясь на землю.

Ахбар взглянул на алтарь. Покойник сидел, ощупывая лицо и часто мигая глазками, с которых упали восковые лепешки. Накладная борода криво висела на его остром подбородке.

– Назад! – рявкнул вожак, заметив, что его люди бросили мешки с добычей и готовы пуститься наутек. – Это подсадная утка, нас заманили в засаду! Готовь оружие!

И, обернувшись к мнимому мертвецу, прорычал:

– Сейчас я отрежу тебе настоящий нос, гаденыш!

– Не так резво, шакалий выродок, – раздался тут из-за спин шуххрийцев сильный молодой голос, – сначала посчитайся со мной!

Воры отступили к алтарю, вытаскивая из-за поясов кривые кинжалы. Они боялись нежити, но человек, стоявший перед ними с тяжелым аквилонским мечом в руках был из плоти и крови, и с ним можно было драться. Или договариваться, смотря как повернется.

Вглядевшись в лицо невесть откуда взявшегося стража, Ахбар признал молодого киммерийца, не так давно объявившегося в Шадизаре, и уже успевшего завоевать известность не только среди обитателей Пустыньки, квартала вездесущих воров и веселых бандитов. С варваром его связывали кое-какие дела, не слишком для Кривого приятные, и потому он предпочел натравить на северянина свору своих прохвостов, чем самому вступать в поединок.

– Убейте его! – завопил Ахбар, размахивая над головой саблей, но не двигаясь с места. – Вы что, не видите, он один?!

Схватка, случившаяся затем на скорбном холме, была короткой и полностью бесславной для шуххрийцев. Их было семеро, но трое сразу же предпочли исчезнуть во мраке, оставив на поле боя мешки с судейским золотом в качестве боевых трофеев Конана. Пришедший в себя туранец атаковал варвара с яростью носорога, однако оказался столь же неповоротлив, как и этот толстокожий обитатель джунглей, покрывающих Черные Королевства. Легко уклонившись, киммериец пропустил краснорожего под руку и успел полоснуть острием меча по спине противника, распоров халат и широкий кушак, поддерживающий малиновые шаровары. Штаны упали, обнажив мощный зад туранца, тут же получивший сильнейший пинок конанова сапога. Незадачливый боец охнул, выронил саблю и, путаясь в штанинах, бросился прочь – только кусты затрещали. Двое воров, попытавшиеся вонзить свои ножи северянину под лопатки, поплатились сломанными носовыми перегородками и вывихнутыми челюстями: киммериец не стал марать о них меч, ограничившись тычками кулака, сжимавшего массивную рукоять. Тонко повизгивая, эти двое исчезли вслед за остальными «братцами».

Настал черед Ахбара. Понимая, что ему столь легко не отделаться, Кривой подбодрил себя душераздирающим воплем и наскочил на киммерийца, как дурной петух на быка. Клинки скрестились, и звон оружия осквернил печальную тишину шамашана. Звон, впрочем, продолжался не долго: сабля одноглазого сломалась, и Кривой оказался на земле, прижатый сверху тяжелым коленом киммерийца.

Ахбар зашипел, как раздавленный гриб-пылевик и стал просить пощады.

– Говори, ублюдок, где мне искать мальчишку, который продавал боевых собак? – спросил варвар, слегка надавливая коленом.

– Не знаю, – захрипел Кривой, – один раз его видел…

– Он сказал, кого именно ты должен уговорить в Шадизаре?

Ахбар промедлил с ответом, и его грудь лишилась очередного глотка воздуха.

– Да, да! – просипел шуххриец. – Он назвал твое имя… Отпусти, ради всего, что ценишь!

– Больше всего я ценю правду, – наставительно молвил варвар, – если назовешь имя прохвоста и скажешь, где его найти, останешься жив.

Кривой задергался, на губах его выступила пена. Нога северянина давила, словно рухнувшая с горных отрогов каменная глыба, перед глазами плыли оранжевые круги.

– Не зна… – выдохнул он, силясь выскользнуть из под страшного груза.

Вдохнуть Ахбар уже не смог.

Похлопав одноглазого по остывающим щекам и убедившись, что шадизарский погост

приобрел еще одного обитателя, варвар поднялся и отправился проведать Шелама.

Алтарь был пуст.

Конан окликнул коротышку. Тишина.

Решив уже, что Ловкач задал стрекача, убоявшись попасть под горячую руку шуххрийских воров, Конан собрался поискать приятеля, как вдруг с каменного навеса ему на голову посыпался мелкий мусор. Отойдя на пару шагов, киммериец глянул вверх и обнаружил Шелама, сидящего на фоне звезд в позе вендийского божка. От земли до крыши было не менее пятнадцати локтей, державшие плиту столбы – круглые и гладкие, и как Ловкач оказался на своем месте понять было трудно, если не сказать больше.

– Я зря называл тебя бесхвостой курицей, – сказал Конан, проникнувшись вдруг уважением к невероятным способностям замухрышки, – ты орел, Ши.

– Сними меня отсюда, – жалобно попросил тот, лязгая зубами, – о пантера ловкости и ягуар бесстрашия…

Но даже привыкшему к скалистым горам свой холодной родины киммерийцу не удалось сообразить, как можно взобраться на крышу алтаря без лестницы, веревки с крюком или, на худой конец, крыльев.

Пришлось Шеламу прыгать в подставленные варваром руки.

Оказавшись на земле, Ши по-собачьи отряхнулся, глянул вверх и бодро сказал:

– Ну, отсюда смотрится не так уж страшно.

И, по своему обыкновению, принялся ожесточенно чесаться.

Конану не терпелось заглянуть в мешки, оставленные бежавшими ворами, но он решил поначалу покончить с делом. Приятели отправились к плоскому камню, под которым было спрятано тело Козлиного судьи.

– Водрузим Раббаса на его законное место, а в яму сунем Кривого, – сказал киммериец, приподнимая край плиты. – Потом перетащим мешки за ограду. Когда явятся Чилли с Ахбесом, заберем. Эй, что с тобой?

Ши Шелам стоял на краю ямы, с ужасом глядя себе под ноги. Челюсть его лязгала, глаза остекленели.

Отвалив камень, киммериец тоже глянул вниз.

Давеча они положили тело судьи навзничь. Теперь Раббас лежал на животе. Луна тускло освещала редкие волосы на затылке и скрюченные, унизанные перстнями пальцы, ногти которых утонули в земле, словно мертвец царапал склон ямы, тщетно пытаясь выбраться из-под плиты.

Ши охнул и стал оседать на землю.

8. Молодая, красивая, мертвая…

За недолгую еще жизнь варвару редко приходилось баловать свое тело на мягких ложах. В родной Киммерии постелью ему служили волчьи и медвежьи шкуры, которыми пользовались и в качестве плащей, и как подстилками во время еды. Гладиаторские казармы Халоги, где Конан, плененный гиперборейцами, провел некоторое время, оставили в памяти могильный холод и вонь гнилых соломенных тюфяков. Случалось ему леживать и на жестких немедийских культерах, и на бритунских матрасах, набитых прелыми листьями, но все это, конечно, не шло ни в какое сравнение с мягкими диванами и атласными подушками в доме Шейха Чилли.

Напитки тоже выгодно отличались от кислой браги и сомнительного пойла, которое в шадизарских духанах выдавали за вино. Золотистое пуантенское в тонких серебряных сосудах, приготовленное трудолюбивыми селянами виноградной аквилонской провинции, аргосский хайрес в стеклянных зеленых бутылках, запечатанных пробками с гербами винодельческих гильдий, шемский аррак в керамических амфорах, вендийское пальмовое вино в кувшинах с длинными изогнутыми носиками, пиво в кружках из красной меди, прикрытых изящны и крышками с драконьими головами…

Возлежа на широком диване возле низкого круглого стола на львиных лапах, киммериец наслаждался жизнью в одиночестве. Шейх Чилли с утра отправился по делам во дворец наместника Шадизара (какие уж то были дела, можно было только догадываться), Ловкач Ши побежал в свою лавку, готовиться к закупкам товара: он собирался возобновить торговлю посудой и утварью.

Пожалуй, теперь коротышка мог купить не только блюда, подносы, тазы и кальяны, но и пол Заморы в придачу. В подвалах дома на набережной лежала в крепких сундуках его доля богатств, отданных сыновьями Козлиного судьи согласно посмертной воле отца, оглашенной с погребального алтаря не без участия самого Ловкача. Чтобы вывезти все деньги пришлось прикупить у какого-то Кабира верблюдов – по завышенной цене, конечно.

Доля Конана хранилась в тех же подвалах, но была несколько больше: Шейх Чилли рассудил, что добыча шуххрийских воров взята киммерийцам по всем правилам воинского искусства и полностью принадлежит северянину.

Только одну вещицу он попросил себе: шкатулку из атлайского ореха с небольшим серым камешком внутри, которая оказалась в узле, брошенном краснорожим туранцем.

Чилли был весьма опечален, когда братья не смогли найти шкатулку в опустошенных ворами кладовых своего дома. Казалось, даже звон золотых монет, ссыпаемых в мешки, не мог рассеять его мрачных мыслей. Аюм заикнулся было повременить с долгом, ссылаясь на убытки, нанесенные ночными татями, и Чилли только грустно и рассеянно кивнул головой, однако Бехмет тут засуетился, наорал на младшего брата и настоял на том, чтобы отдать всю сумму.

– Мы должны исполнить волю отца, – сказал он. – Сейчас, когда тело его с первыми утренними лучами обратилось в прах на погребальном алтаре, а душа отправилась на Серые Равнины, наш долг свято соблюдать его последнюю волю. Выполнение данных обещаний отличает человека почтенного от безродных прохвостов, кои столь многочисленны, увы, в государстве нашем. Не так ли, уважаемый Дарбар?

– Это так, – согласился Чилли, – я тоже исполню то, что обещал и пришлю тебе… мн-

ээ… лекарство. Жаль, конечно, что шкатулка пропала, камень был дорог нашей семье как память, но, видно, ничего тут не поделаешь.

Когда «память» обнаружилась среди трофеев Конана, киммериец поинтересовался, чем на самом деле столь дорог Чилли невзрачный с виду камешек. Шейх объяснил, что это редкий минерал, который станет украшением его коллекции. Варвар слышал, конечно, что существуют чудаки, собирающие разную чепуху – птичьи перья, окаменевший помет, оловянные пуговицы или черепки битой посуды – но подобные страсти были выше его разумения, поэтому Конан не стал вдаваться в расспросы. Чилли спрятал шкатулку в свою сумку, где ежали плащ, корона, жезл с кисточкой и желтая накладная борода, а, вернувшись домой, отнес покрытый лаком орех с камнем внутри на ледник. Он так настаивал, что минерал должен храниться непременно на холоде, что варвар даже заподозрил в камешке простой кусок засохшего дерьма, которое в тепле может не слишком приятно пахнуть.

Попивая изысканные вина под сенью двух опахал, которыми усердно помахивали хорошенькие служанки, киммериец наслаждался жизнью. Пожалуй, теперь он сможет купить дом не хуже, чем у Шейха. Где-нибудь в Аренджуне, а еще лучше в Хоарезме, на берегу теплого моря Вилайет, по которому скользят разноцветные паруса лодок и кораблей. Он станет посиживать в мягких креслах, а прекрасные наложницы будут танцевать перед ним в своих полупрозрачных одеждах. Много наложниц, много вина, хорошей еды и преданных слуг…

Кстати о слугах: куда девался этот пройдоха Ахбес? Или все еще воображает себя отцом почтенного семейства и курит кальян в хозяйской спальне?

Ахбес явился на зов с большим блюдом корме-сабзи и чистыми утиральниками. Аппетитные кусочки мяса утопали в листьях всевозможной зелени, искрясь янтарным соком и распространяя изумительные запахи. Рот Конана тут же наполнился слюной, он запустил пальцы в скворчащую гору и ублажил желудок доброй пригоршню бараньей плоти.

– Садись, плут, – сказал киммериец, прожевав мясо, – закуси, выпей… Развлечешь меня.

Участие в недавнем совместном предприятии примерило Ахбеса с варваром. Хромой уже не вспоминал о своем головокружительном полете, окончившемся весьма болезненным приземлением среди осколков разбитой вазы. Кроме того, он справедливо полагал, что хорошие отношения со столь храбрым воителем могут пригодиться впоследствии, поэтому не заставил себя уговаривать, присел на подушки и принялся за еду.

– Ходил на рынок? – спросил Конан.

Ахбес кивнул.

– Что слышно в городе?

Ахбес запил мясо кислым молоком из деревянной чашки (варвар при сем поморщился, он не любил кислое молоко) и сказал, вытирая пальцы:

– Все только и болтают о предстоящей женитьбе сына светлейшего Хеир-Аги. Молодой Агбей прибыл вчера из Хоршемиша, где постигал премудрости науки. И случилось при сем странное событие…

Приказчик помолчал, ожидая вопроса, не дождался и продолжил:

– Когда лодка с сыном наместника двигалась по Большому Каналу, к ней подплыл утлый челнок. В нем сидела юная девушка, прекрасная, как майская роза. Она пересела в лодку молодого Агбея, а потом последовала за ним во дворец.

– Что же тут странного, – не понял Конан, – может быть, он купил себе невольницу…

– Посреди Большого Канала? – хитро прищурился хромой. – Да и продавцов что-то не

замечалось.

– Тогда это подарок родителей, – предположил варвар, – наместник решил сделать сыну приятное и послал к нему девицу.

– Ага! – радостно воскликнул Ахбес. – Все так думали, да и Агбей тоже. А встречавшие решили, что он привез наложницу из Кофа и ни о чем не стали спрашивать. То-то было смеху, когда девица, проведя ночь с сыном наместника, на утро исчезла вместе с его драгоценностями!

– Ты откуда узнал?

– Знаком с поваром светлейшего. Да об этом уже весь Шадизар судачит!

Киммериец отправил в рот очередную порцию мяса, задумчиво пожевал, потом глотнул хайреса и спросил:

– Не по этой ли причине отправился Шейх во дворец Хеир-Аги?

– Именно, – отвечал Ахбес, заговорщицки оглядываясь, как бы не замечая служанок и отыскивая соглядатаев посерьезней, – скажу тебе по секрету, хозяину не в первой оказывать подобные услуги важным персонам. Всем известно, что мой господин отыскал украденных коней почтенного Кашальбека и вернул перстень с печаткой сотнику Буруку. Найдет и драгоценности, помяни мое слово.

И приказчик важно надул щеки, гордясь тем, что служит у столь знаменитого человека.

Конан не стал спорить – найдет так найдет. Ему дела не было до драгоценностей молодого Агбея, там более, что своих было навалом. Только дождаться, когда Чилли отсчитает его долю, и можно двигать на все четыре стороны: богатый везде дома. Чтобы скоротать время в ожидании хозяина, киммериец предложил покидать кости.

Они играли до вечера, опустошая сосуды с напитками и погреб с продуктами. Когда кончилось жаркое, принялись за соленую свинину с бобами, вяленую индюшатину и копченые языки. Ахбес не отходил от стола, гоняя за съестным служанок: ему везло.

Вскоре возле приказчика выросла кучка палисандровых зубочисток – каждая стоимостью в десять золотых согласно уговору. Ахбес дрожащими руками сгребал зубочистки себе в пояс, предвкушая, как варвар обменяет их на звонкие монеты. Конана проигрыш особо не трогал: стоит ли печалиться толстосуму – сотней монет больше, сотней меньше… Сколько именно причитается ему денег, варвар до сих пор не знал. Он попытался вычислить четверть от двухсот тысяч и разделить остаток на три, но столь сложные расчеты оказал сь ему не по плечу, и он успокаивал себя тем, что кучка зубочисток, даже помноженная на десять монет каждая, все же гораздо меньшей горы золота, ожидающей в подвале.

Однако, когда при его десятке Ахбес выкинул одиннадцать очков, киммериец понял, что боги сегодня сидят в своих небесных чертогах к нему спиной и заявил, что игра окончена.

– Ты и так слишком богат для простого приказчика, – сказал он, – обладание же излишними ценностями, по словам твоего хозяина, является основой всех пороков. Именно потому Шейх так усердствует, изымая сии ценности у их владельцев. Он противник пороков. Так что отправляйся-ка лучше в лавку и предайся безгрешной жизни…

Ахбес не стал спорить и ушел, а Конан всецело отдался томной грусти, вызванной обильными возлияниями и сытной пищей. Не хватало только тепла: камины в заморских домах не делают, для обогрева служат горелки, называемые «корси» – низкий столик, под ним жаровня с горячими углями. Его сверху накрывают одеялом, сидят вокруг, подсовывая ноги под одеяло и отогреваются. Ничего подобного в комнате не было, по полу тянуло

осенними сквозняками, приносившими запах яблок и сжигаемых листьев.

Вспомнив о тепле, киммериец вернулся мысленно на берег ласкового моря Вилайет, в дом, который он купит, и где прекрасные наложницы станут ублажать его взор изысканными танцами. Картина была столь отчетливой, что Конану захотелось ее немедленно осуществить.

Так захотелось, что боги в небесных чертогах услышали эту немую мольбу.

Конан уже намеревался приказать служанкам скинуть длинные бурнусы и изобразить что-нибудь зажигательное, на что девицы вряд ли были способны, как появился Ахбар в роли посланника небожителей. За ним следовала высокая старуха в черном и некое воздушное существо в расшитой золотой нитью синей накидке. Лицо существа скрывала густая кисея, но по плавным движениям и тонкому благоуханию, заполнившему комнату, Конан понял, что это молодая девушка.

– Я говорил им, что хозяина нет дома, – с порога принялся оправдываться хромой приказчик.

– А это кто? – спросила старуха, бесцеремонно указывая костлявым пальцем на киммерийца.

– А это? – передразнил ее Конан, махнув в сторону девушки.

– Я должна плату почтенному Чилли за некоторые услуги, – сердито сказала старуха, – вот, привела ему падчерицу Она знает восемьдесят три способа любви и умеет танцевать.

– Ай да Шейх! – хохотнул варвар. – А еще прикидывается, что не любит женщин. Подозреваю, он посадить красотку в чулан и станет извлекать ее оттуда только ночью, да и то раз в седьмицу. Восемьдесят три способа? Не знаю, что ты имеешь ввиду, но Чилли как-то прочел мне из своей сафьяновой книжки: «Любовь – это пламя, пожирающее тело и иссушающее ум». Или что-то в этом роде. Так что, думаю, он охотно уступит мне твою падчерицу, конечно, если ты не врешь насчет танцев.

Старуха обиженно пожевала сухими губами.

– Зачем мне врать, – сказала она, – если достопочтенный Шейх Чилли захочет ее продать, мне все равно. Но учти, юноша, она стоит больших денег.

– Я богат, – небрежно бросил варвар, подкидывая и ловя ртом сливу, – пусть покажет, на что способна.

– Хорошо, – кивнула старуха, – я оставлю ее здесь. У меня много дел, а уж вы сами разбирайтесь, кому она достанется.

И с этими словами она удалилась, даже не поклонившись.

Конан поманил рукой девушку, и та приблизилась мелкими шажками.

– Как тебя зовут?

– Нана.

– Покажи лицо.

– Нет, господин. Я принадлежу почтенному Шейху Чилии, и только он может на меня смотреть. Если меня увидит кто-нибудь другой, я умру.

– Почему это?

– Таков закон народа харубеев.

Конан никогда не слышал о народе харубеев, но знал, что на Востоке женщины часто прячут лица от чужих взглядов. Суть этого обычая была ему не понятна, варвар полагал, что красивая мордашка – лучшее, что может быть у девушки. Ну, если не считать того, что под одеждой.

– Хорошо, Нана, – сказал он, – когда твой новый господин продаст тебя мне, я загляну под твои покровы. Но, думаю, они не помешают тебе станцевать?

Девушка не ответила. Бедра ее стали медленно покачиваться, она двинулась по кругу, притопывая босыми ногами, позванивая крошечными колокольчиками на щиколотках, делая змеевидные движения своим гибким телом под тонкой накидкой. Движения все убыстрялись, ткань закружилась вокруг ее ног, высоко взлетая и обнажая стройные бедра, и киммериец понял, что девушка нагая под своим темно-синим, расшитым золотой нитью одеянием. Когда она поднимала руки, ткань натягивалась на груди, и легко было заметить ее боль ие соски, окрашенные хной в ярко-красный цвет.

Это был танец «гедра», который часто исполняли танцовщицы в духанах. Но, боги, как же отличались грациозные, исполненные влекущего очарования движения этой девушки, от грубо-откровенных подергиваний продажных плясуней!

Ее черные волосы выбились из-под головного убора, кисея взлетала, открывая на миг тонкое бледное лицо с огромными глазами, и вновь опускалась, скрывая черты, бусы описывали кольцо вокруг стройной шеи. Девушка вращалась так быстро, что ее одежда стала подниматься подобно бусам, и вскоре два диска – пестрый, вокруг шеи, и синий на уровне груди – окружили танцунью. Призывно мелькали плоский живот и белые ягодицы…

Потом она, должно быть, потянула за невидимый шнурок, ее одежда сорвалась, подобно синекрылой птице, и мягко опустилась на ковер возле дивана. Девушка застыла обнаженная, на ней был лишь головной убор с покровом, прикрывавшим лицо, бусы и колокольчики на щиколотках, сопровождавшие ее стремительный танец тонким манящим перезвоном. Грудь танцорки часто вздымалась, алели большие соски, живот был втянут, словно для того, чтобы подчеркнуть темный треугольник в том месте, где сходились ее трепещущие бедра.

Она была – сама женственность, сама чувственность, само вечное желание…

Ахбар вскрикнул и закрыл лицо руками.

– Пошел вон! – рявкнул Конан, и приказчик тут же испарился, словно и вправду был бесплотным посланцем богов.

Миг – и, подхватив легкое горячее тело, варвар оказался с девушкой на диване.

– Свет, – услышал он прерывающийся шепот, – погаси лампу…

Конан приподнялся на локте и дунул в сторону светильников. Огонь затрепетал и погас, комнату окутал полумрак. Рыча и постанывая, киммериец срывал с себя халат…

Варвар действительно не понял, что подразумевала старуха, поминая восемьдесят три способа любви. Он использовал один, проверенный, зато был в нем неутомим, как молодой тигр. Луна уже высоко висела над крышами Шадизара, когда он наконец почувствовал приятную истому и погрузился в блаженный сон.

И все же ни вино, ни любовные игры, ни мягкое ложе не смогли погасить в нем природную чуткость ко всякой опасности. Легкое прикосновение чего-то холодного к руке заставило варвара вскочить и схватить лежавший на столе кинжал.

В тот же миг он услышал испуганный женский крик, увидел, как Нана приподнялась на локте и тут же упала обратно на подушки. Тонкая серебристая струйка соскользнула с ее обнаженной шеи – Конану показалось, что упали бусы. Но струйка потекла по ковру, поблескивая в лунном свете, он понял, что это змея и точным ударом отсек ей голову. Потом склонился над девушкой.

Луна была яркой, киммериец увидел широко распахнутые, застывшие глаза Наны и маленькое темное пятно чуть повыше ее ключицы. Он припал губами к ранке и постарался

отсосать кровь.

– Поздно, – услышал он едва различимый шепот, – шаккуза… Мое лицо… ты увидел… боги наказали…

Тело девушки вздрогнуло и вытянулось.

Варвар опустил ей веки и зажег лампу. Он спокойно относился к смерти. Сам бывал на волосок, да и убивал не мало. И все же в груди его что-то дрогнуло, когда он увидел лицо девушки при свете – такое знакомое, такое милое, такое мертвое…

Кликнув Ахбеса и еще одного слугу, он приказал им обернуть тело покрывалом и отнести на ледник. Потом осушил кувшин самого крепкого вина и уснул без сновидений.

9. Чилли меняет точку зрения

Его разбудил птичий шум за окном, яркое солнцем и голосок Шелама, вопрошающий о чем-то жалобно и плаксиво.

– Значит, я ее больше никогда не увижу? – разобрал киммериец слова коротышки.

– Увидишь, но только издалека.

Отвечал Шейх Чилли. Конан открыл глаза и увидел, что его подельники сидят напротив, и что у хозяина дома лицо скорбное и унылое, словно он мучается животом.

– Нашел драгоценности Агбея? – спросил варвар, поднимаясь с дивана. Он ополоснул лицо из кумгана, вылив воду прямо на ковер и поискал глазами какого-нибудь животворного напитка на столе.

– Нет, – отвечал Чилли тусклым голосом, – но я нашел ту, кто их украла.

– И где же она?

Варвар обнаружил наконец кувшин с пивом и припал к горлышку.

– Сейчас, думаю, во дворце наместника. А ночевала сия дама у нас на леднике.

Конан чуть не поперхнулся. Отставил сосуд, вытер губы и воззрился на хозяина дома, словно увидел крокодила под зонтиком.

– Что-то многовато оживших мертвецов, – сказал он немного погодя, – Ловкач, Раббас, а теперь еще эта Нана…

– Она такая же Нана, как я стигийский маг, – зло буркнул Чилли. – Зовут ее Фитис, она дочь покойного землевладельца Аддемекара.

– И она украла побрякушки сынка Хеир-Аги?

– И мою посуду, – вставил Шелам.

– Его посуду, одежду и твои деньги, Конан, подсунув собак и коня своего отца, которые послушно убежали из сарая по ее свистку.

– Постой, – перебил киммериец, чувствуя, как начинает кружиться голова, – что ты мелешь! Ведь животных мне продал усатый юнец!

– Если у чародея Дарбара есть желтая борода, а у мнимого Раббаса еще и фальшивый нос, почему бы женщине не переодеться в мужское платье и не наклеить усы?

– То-то мне показалось знакомым ее лицо, когда я засветил вчера лампу, – пробормотал растерянно варвар. – Но она была мертва!

Чилли взял что-то из деревянной чашки и протянул Конану. Это была змеиная голова на обрубке чешуйчатого тела.

– Шаккуза, – киммериец потрогал голову пальцем, – опасная тварь. Маленькая, а от укуса умирают почти сразу.

– Кусают зубами, – проворчал Чилли и нажал с двух сторон от пасти гадины.

Пасть открылась. Страшные зубы были спилены у самого основания.

– Яд выдавили, – сообщил Шейх, – змейка не опасней песчаной ящерицы.

Конан потер лоб, силясь что-либо понять. Признавшись себе, что не в силах этого сделать, он потребовал объяснений.

– Две седьмицы назад в этой комнате появилась женщина под темным покрывалом, скрывавшим лицо, – начал Шейх Чилли, бросив змеиную голову обратно в чашку и брезгливо вытирая пальцы. – Она сказала, что ее отец, почтенный Аддевекар, умер и оставил ее без гроша. Незадолго до своей кончины он якобы одолжил большую сумму судье Раббасу из

Северного предместья, не взяв с того расписки. Теперь судья все отрицает и Фитис просила меня оказать ей услугу: вернуть деньги и маленькую шкатулку из атлайского ореха, в которой хранится некий невзрачный камешек.

Я попросил время, чтобы обдумать дело, а сам навел кое-какие справки. Мне стало известно, что Аддевекар никогда не давал в долг даже медную полушку и вообще мало с кем поддерживал отношения, живя уединенно в своем поместье и отдаваясь полностью единственной страсти – разведению боевых собак и коней. Никто и никогда не видел землевладельца в доме судьи, а Рабас никогда не бывал в поместье землевладельца.

Немного поразмышляв, я пришел к выводу, что одолженные якобы деньги – только предлог, чтобы соблазнить меня, пустившись на хитрость, выудить у судьи шкатулку с камнем. Следовательно, камень сей должен иметь большую ценность, о чем Раббас должен был знать, иначе Фитис просто могла бы купить у него то, что ей требовалось.

Я отправился в городской скрипторий и засел за древние рукописи. И в одном манускрипте, начертанном стигийским письмом, натолкнулся на то, что искал. Говорилось там о Змеином Камне, зреющим в капюшоне кобры, невзрачном с виду, но обладающем столь волшебными свойствами, что цены ему нет…

– Значит это не сухое дерьмо и не минерал, как ты говорил, а настоящая драгоценность? – прервал его рассказ варвар.

– Для тебя он не представляет никакой ценности, – улыбнулся Шейх, – во всяком случае, пока. Змеиный Камень можно использовать только один раз: приготовить из него снадобье и выпить, если доживешь до восьмидесяти годов от роду. Тогда происходит омоложение, и человек снова становится сорокалетним…

– Фу! – фыркнул киммериец. – Стоит ли стараться? В сорок лет мужчина уже мало на что годится.

– Доживи и убедишься, что это не так, – сказал Чилли. – Но не станем отвлекаться. Итак, я стал думать, зачем юной девушке понадобился Змеиный Камень. Для отца? Но он мертв. Для любимого? Трудно представить восьмидесятилетнего любовника.

– Я бы сразу догадался, – перебил вдруг Ловкач, – все знают, что объявил Хеир-Ага два года назад.

– Меня тогда еще не было в Шадизаре, а посему прошу извинить, – насмешливо поклонился ему Шейх. – Сплетники уже устали чесать языками, и я не сразу узнал, что наместник поставил сыну условие повенчать его лишь с той, за которую дадут в приданое сию чудесную панацею. Хеир-Ага хоть еще и не стар, но жить собирается долго и, как видно, не один раз.

– Болтали, что такого камня вовсе не существует, – вставил Шелам, – а наместник просто разозлился за что-то на Агбея и решил его таким образом наказать. Потому и с глаз долой убрал, в Хоршемише учиться.

– Как видим, Змеиный Камень существует, – продолжил Чилли. – Когда все стало на свои места, я вывел следующее умозаключение: Фитис в тайне влюблена в Агбея и хочет во что бы то ни стало стать его законной женой. Не плохая, надо сказать, партия, если учесть титул и состояние. Чего тут больше – любви или корысти – судить не берусь.

– Но откуда камень взялся у судьи? – спросил Конан.

– Думаю, Раббас навсегда унес эту тайну на Серые Равнины, и даже стигийская магия не поможет ее узнать. Как Фитис прознала, что у судьи имеется то, что ей необходимо, мне тоже доподлинно не известно, но, думаю, здесь не обошлось без Аюма, который в тайне от

отца сватался к прекрасной дочери Аддевекара.

– Этот жирный боров! – презрительно воскликнул киммериец.

– Она ему, конечно, отказала, – сказал Чилли, потирая гладкие щеки, – но решила завладеть камнем во что бы то ни стало. Далее события развивались следующим образом. Аддевекар умер, и дочь осталась хозяйкой имения. Она решила действовать незамедлительно. Ее не остановил даже мой отказ…

– Не понимаю, почему ты решил ей отказать? – спросил Ши.

– Потому что тоже хочу жить долго, – сказал Шейх, – Фитис имела на Змеиный Камень не больше прав, чем я. О боги, если бы я знал, для кого старюсь…

– Но зачем ей понадобилось опустошать лавку Ши и подсовывать мне собак? – недоуменно спросил варвар, которому вся эта истории казалась совершенно невероятной.

– Все очень просто, – вздохнул Чилли, – она просто хотела меня поторопить. Знала, что я не стану приниматься за дело без помощников. По Шадизару гуляли слухи о некоем северянине и еще одном человеке по прозвищу Ловкач, которые однажды вместе со мной участвовали в одном хитром деле. И Фитис смекнула, кто мне нужен. Но Ловкач превратился в преуспевающего лавочника, у северянина тоже были деньги. Тогда она и разыграла два небольших представления, целью которых было вас разорить и свести под крышей моего дома.

– Три представления, – добавил Ши, – она еще украла мою одежду.

– Когда Конан рассказал мне историю с собаками и боевым конем, я, конечно, догадался, кто за ней стоит, но ничего не стал говорить киммерийцу: хотелось посмотреть, что будет дальше. Решил, что Фитис просто отыгрывается на моих приятелях. Я принял вызов и поспешил завладеть камнем. Как вы знаете, наше предприятие увенчалось полным успехом. Я подкупил жрецов, чтобы они благословили ночное действо на шамашане, подарил Бехмету горшок вендийского банга – сильнейшего наркотического зелья, к коему сей дост йный сын своего отца имеет пагубное пристрастие – и намекнул, что подкину еще. После того, как наш храбрый Шелам успешно изобразил ожившего мертвеца и объявил, что братья должны вернуть деньги и шкатулку, отступление было отрезано, и Бехмет вынужденно распрощался со второй молодостью. Он знал о Змеином Камне, но, думаю, предпочел долгой жизни туманные видения, вызываемые вендийским зельем. Правда, в одном я перестарался: произнес для пущего эффекта настоящее стигийское заклинание, переписанное в сафьяновую нигу из одной древней рукописи. Эффект превзошел ожидания: несчастный Раббас ожил и даже пытался выбраться из ямы. Впрочем, второе заклинание позволило его душе отлететь на Серые Равнины.

Я ждал, что Фитис постарается завладеть камнем и, признаться, даже приписал вылазку шуххрийских воров ее усилиям. Боги, как я недооценил эту женщину!

Вчера утром, когда за мной пришли из дворца наместника, удивленного дерзким похищением драгоценностей, я решил, что Фитис отважилась на этот отчаянный шаг, чтобы хотя бы ночь провести со своим возлюбленным. Хеир-Ага был весьма доволен, что я сразу объявил имя похитительницы. Мы отправились с небольшим отрядом в имение покойного Аддемекара, но никого там не обнаружили. Мне надо было сразу догадаться, что Фитис задалась целью выманить меня из дома!

Она явилась сюда в сопровождении своей старой няньки и блестяще разыграла последнюю сцену задуманного ею спектакля. Страстные объятия молодого пылкого киммерийца, змея, лишенная яда, которую она заранее спрятала в складках одежды…

Оставалось только проглотить лист дерева акчар, сок коего дарит некое подобие смерти, чтобы оказаться в самом холодном месте дома, где, согласно всем предписаниям, и должен храниться Змеиный Камень Тонкий расчет и бесстрашный танец на лезвии ножа… О Индра, что за женщиа!

Шейх Чилли умолк и впервые за многие годы сделал глоток вина.

– Одного не понимаю, – сказал Конан, последовав этому доброму примеру, – как она выбралась из подвала?

– Исчезновение Ахбеса все объясняет, – рассеянно отвечал Чилли, – думаю, она его подкупила.

– Прямо не женщина, а демон какой-то, – проворчал варвар, – не проще ли было дать хромому денег, чтобы он сам вынес камень?

– Может быть и проще, – задумчиво молвил Шейх Чилли, – но, сдается мне, Фитис немало времени провела за вендийской игрой, двигая фигуры по черным и белым клеткам. А в игре сей ценится не только победа, но и изящество комбинаций…

Стук в дверь прервал его слова. Вошел слуга и доложил, что хозяина желают видеть. Следом появилась высокая старуха в черном.

– Госпожа передает приветы почтенному обществу, – сказала она не слишком любезно, – и просит в знак уважения принять подарки.

– Где она? – вскричал Шейх, вскакивая.

– Во дворце наместника, – был ответ, – готовится к свадьбе. Подарки во дворе.

Шейх Чилли, Ловкач Ши и Конан-киммериец спустились вниз.

Вдоль ограды аккуратно стояли кувшины, горшки, блюда, супницы, котлы, сковороды, курильницы, жаровни, бочонки – вся посуда и утварь из лавки Шелама.

А в тени под навесом лежали на траве огромные псы в железных масках и шипастых бронях и стоял великолепный конь с железными когтями на копытах и белой отметиной на задней ноге.

В тот вечер Шейх Чилли записал в «Книге тысячи песчинок»:

> «Напрасно мужчины гордятся красотой и мудростью; в сердцах у женщин с изогнутыми бровями всесильный бог любви делает, что хочет. Когда сердце, как соломенная хижина, сгорает в огне любви, какой человек, как бы он ни был мудр, поймет замысел женщины? Это столь же невозможно, как старику подняться на горные пики, а ветреному юноше удержать богатство.»

Конан ничего не ведал о сем изречении, и все же оно оказалось пророческим. Деньги легко пришли к варвару, сделав его богачом, и так же легко растаяли без следа.

Но это уже другая история.